

9(0)15 63.3(2)47
С30

А.М. ГОРЧАКОВ

Выдающиеся
ДИПЛОМАТЫ

Выдающиеся
ДИПЛОМАТЫ

С. СЕМАНОВ,

А.М.ГОРЧАКОВ

РУССКИЙ
ДИПЛОМАТ
XIX В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА. 1962

9 (C) 15 + 9 (C) 16
C 30

... евятнадцатого октября 1870 года русские дипломатические представители за границей получили циркуляр министра иностранных дел.

В циркуляре говорилось, что Россия больше не считает себя связанной статьями Парижского договора 1856 года, ограничивавшего ее суверенитет и запрещавшего ей иметь военный флот и береговые укрепления на Черном море. Вскоре Лондонская конференция представителей крупнейших европейских держав вынуждена была утвердить «Договор об изменении некоторых статей Парижского трактата». Суверенные права России на Черном море полностью восстанавливались. Современники расценили выступление русского министра как выдающийся акт дипломатического искусства. Министром иностранных дел России был в то время Александр Михайлович Горчаков.

Более шестидесяти лет находился А. М. Горчаков на дипломатическом поприще. Огромный исторический промежуток времени —

двадцать пять лет — он был руководителем внешней политики царской России. Свидетель и участник важнейших дипломатических событий эпохи, искусный мастер дипломатических переговоров, человек большой эрудиции и широкого образования, Горчаков умело отстаивал интересы дворянско-буржуазной России на международной арене.

Дальновидность и гибкость политических действий Горчакова резко отличала его от большинства косных и инертных царских сановников, и этот умный дворянский государственный деятель по праву может быть назван выдающимся дипломатом.

етвертого июня 1798 года * в семье генерал-майора князя Михаила Алексеевича Горчакова родился сын Александр.

Семья Горчаковых принадлежала к старинному дворянскому роду; в XVIII веке Горчаковы занимали высокие должности на государственной службе. Родители будущего канцлера Российской империи не были очень богаты, тем не менее знатность происхождения и покровительство влиятельных родственников создавали молодому Горчакову достаточно высокое положение в обществе.

Александр Горчаков получил блестящее для своего времени образование. Благодаря заботам матери он рано стал читать, с молодых лет превосходно изучил английский, немецкий и французский языки. В 1811 году, успешно выдержав экзамены в Царскосельский лицей,

* Даты в книге, за исключением специально оговоренных, даются по старому стилю.

Горчаков одним из первых был принят в число его учеников.

Царскосельский лицей создавался как привилегированное учебное заведение для детей высокопоставленных дворян. Здесь их готовили для высшей государственной деятельности, они должны были стать широко образованными сановниками дворянской империи. На экзаменах в Лицее проводился тщательный отбор учащихся, а список первых лицейстов был лично утвержден императором Александром I.

Царскосельский лицей отличался высоким уровнем преподавания. За шесть лет лицейского курса воспитанники изучали русскую и иностранную литературу, философию и логику, алгебру, тригонометрию и физику, несколько европейских языков. Не были забыты и «изящные искусства», а также «гимнастические упражнения»: фехтование, верховая езда, плавание и танцы.

Лучшие воспитатели и педагоги Лицея оказали огромное влияние на своих учеников, стремясь развить их природные способности, воспитать в них гражданские идеалы. Воспетый Пушкиным профессор «нравственно-политических наук» А. П. Куницын уже в первом своем выступлении перед лицейстами в день открытия занятий страстно призывал юношей: «Любовь к славе и отечеству должна быть вашим руководителем!» Куницын и другие лучшие профессора и создавали тот самый вольнолюбивый «лицейский дух», под влия-

нием которого «в садах Лицея» выросло немало будущих декабристов.

В этой благоприятной обстановке Александр Горчаков сумел достичь выдающихся успехов в учении. С самых ранних лет он отличался большой серьезностью, целеустремленностью и сильно развитым честолюбием. 30 сентября 1813 года гувернер Чирков в своих заметках «Свойства и поведение воспитанников императорского лицея» дал такую характеристику Горчакову: «Отличительные его свойства: самолюбие, ревность к пользе и чести своей и великодушие»¹. Профессор русской и латинской словесности Н. К. Кошанский считал, что Горчаков — «один из немногих воспитанников, соединяющих многие способности в высшей степени. Особенно заметна в нем быстрая понятливость..., которая, соединяясь с чрезмерным соревнованием и с каким-то благородно-сильным честолюбием, открывает быстроту разума в нем и некоторые черты гения. Успехи его превосходны»².

Среди предметов, преподававшихся в Лицее, Горчаков больше всего увлекался русской литературой и историей, усердно изучал иностранные языки. Как и многие другие лицеисты, Горчаков пытался и сам заняться литературным творчеством. Эти первые опыты не сохранились, однако в течение всей жизни его отличало и в деловой и в частной переписке непринужденное изящество слога. Многие ноты, написанные А. М. Горчаковым, стали образцом дипломатической стилистики, и этим

он, несомненно, в большой степени обязан Лицею.

Среди лицейских товарищей Горчакова были А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер, А. А. Дельвиг, И. И. Пущин и многие другие, чьи имена получили широкую известность в русской истории и литературе. В этом смысле первый выпуск Царскосельского лицея был поистине выдающимся. Среди лицеистов Горчаков пользовался всеобщим уважением, авторитетом и бесспорной репутацией одаренного человека. Однако он не принадлежал к «вольнодумной» части лицеистов, не разделял их радикальных настроений и был далек от «лицейской республики» Пушкина и его друзей. Горчаков мало интересовался передовыми идеями века, говорил, например, что не понимает Руссо. В то же время он знал и сочувственно цитировал (в письмах к родственникам) популярные среди лицеистов сатиры и эпиграммы, часто весьма резкого характера. Списки многих из них Горчаков всю жизнь бережно хранил среди своих бумаг, причем ряд произведений того времени (в том числе некоторые стихи Пушкина) стал нам известен только из его архива.

Пушкина и Горчакова в течение многих лет связывали дружеские отношения. Горчаков, по его собственным словам, любил и высоко ценил Пушкина. Его высказывания и в лицейских письмах, и в беседах на склоне жизни проникнуты глубоким уважением и любовью к поэту. Пушкин видел в Горчакове блестя-

щего и одаренного человека, которому судьба готовит большие успехи на государственном поприще, но в то же время тонко чувствовал различие их душевных устремлений.

Сохранилось три послания Пушкина к Горчакову: 1814, 1817 и 1819 годов. Уже в первом, шутливом, и особенно во втором, написанном в год окончания Лицея, Пушкин отмечает разность их судеб:

...Удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.
Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый, и славный,—
Моя стезя печальна и темна;
И нежная краса тебе дана,
И нравиться блестящий дар природы,
И быстрый ум, и верный, милый нрав;
Ты сотворен для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забав.

Однако влияние «лицейского духа», бесспорно, сказалось на Горчакове. С юных лет сохранил он независимость характера, отвращение к лести, угодничеству и интригам, что делало его в нравственном отношении на голову выше других высокопоставленных чиновников царской России.

Лицейский период оказал большое влияние и на воспитание в будущем дипломате чувства патриотизма, любви к родине. «Гроза двенадцатого года», когда русские полки шли к Москве мимо Царского Села, произвела неизгладимое впечатление не только на Пушкина. Юность Горчакова была овеяна победами русского оружия, и гордость за отечество

переполняла его сердце. Молодой Горчаков знал и любил культуру своего народа, его язык, славное героическое прошлое. В 1815 году он писал своему дяде сенатору А. Н. Пещурову, что очень любит французский язык, но тут же добавлял: «Но я к нему не пристрастен до той степени, чтобы пренебречь отечественною словесностью. Нет, я не столь ослеплен, чтобы не чувствовать всех достоинств языка, обильнейшего, благозвучнейшего, богатейшего; люблю подчас заняться нашими писателями, восхищаться их вымыслам, научиться их наставлениями, и нередко французская книга принуждена уступить в руках моих место русской»³. Характерно, что эти строки писались юношей в то время, когда многие великосветские дворяне гордились французским акцентом в русской речи!

Еще задолго до окончания Лицея Горчаков твердо определил род своей будущей деятельности. В апреле 1816 года он писал А. Н. Пещурову, что военная служба его не привлекает: «Без сомнения, если бы встретились обстоятельства, подобные тем, кои ознаменовали 12-й год., тогда бы и я, хотя не без сожаления, променял перо на шпагу. Но так как, надеюсь, сего не будет, то я избрал себе статскую и из статской, по вашему совету, благороднейшую часть — дипломатику»⁴.

Горчаков серьезно готовил себя к дипломатической службе. «Заблаговременно теперь стараюсь запастись языками», сообщает он в письмах. Кроме уже известных ему иностран-

ных языков стал усиленно изучать итальянский. Не довольствуясь этим, Горчаков стремился уже в Лицее приобрести, по его словам, «практические знания» в области дипломатии. Поощряя интересы своего воспитанника, директор Лицея Энгельгардт приобрел в архиве Министерства иностранных дел дипломатическую переписку с прусским правительством. Горчаков и еще несколько лицеистов стали практиковаться на этих документах, писать депеши, вести журнал переписки и даже изготавливать специальные конверты для дипломатической почты («будто мы в настоящей службе», писал он родным).

9 июня 1817 года в торжественной обстановке состоялся первый выпуск Лицея. Профессор Куницын зачитал постановление о выпуске. Лицеистам были присвоены чины, объявлены назначения на службу. Девятнадцатилетний князь Александр Горчаков определялся в Министерство иностранных дел.

II. В СТОЛИЦАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Первые шаги на дипломатическом поприще

Служба А. М. Горчакова в Министерстве иностранных дел началась сразу же после окончания Лицея. В чине титулярного советника он получил небольшую должность в канцелярии министерства. Первые годы службы были годами ученичества. Горчаков изучает внешнюю политику России по документам министерского архива, старается войти в курс дел сложной европейской дипломатии.

В то время русское Министерство иностранных дел фактически имело двух руководителей: первым статс-секретарем МИД был К. В. Нессельроде, вторым — И. А. Каподистрия, ведавший вопросами восточной политики. Оба статс-секретаря обладали одинаковыми полномочиями и к тому же находились между собой в крайне враждебных отношениях, что еще более затрудняло руководство дипломатическими делами.

Благодаря покровительству своего дяди, сенатора А. Н. Пещурова, молодой Горчаков

начал службу под непосредственным руководством Каподистрии. Этот опытный политический деятель быстро обратил внимание на способности начинающего дипломата. В сентябре 1820 года Горчаков был назначен в сопровождение министра иностранных дел Нессельроде на втором конгрессе Священного союза, который собрался в Австрии, в небольшом городке Троппау, а затем сопровождал Нессельроде на конгрессы Священного союза в Лайбахе (1821 год) и Вероне (1822 год).

В эти годы европейские страны были потрясены следовавшими одна за другой революциями в Испании, в итальянских государствах Пьемонте и Неаполитанском королевстве, в Португалии. В ответ на революционное движение народов Священный союз — объединение монархов европейского континента во главе с императорами России, Пруссии и Австрии — открыто объявил «принцип интервенции». Австрийские войска подавили революции в Неаполе и Пьемонте, французская армия вторглась в Испанию.

Весной 1821 года началось восстание греческих патриотов против турецкого ига. Греки обратились к России за помощью. После некоторых колебаний Александр I все же не решился нарушить легитимистские принципы Священного союза и поддержать греков, восставших против «законного государя» — турецкого султана: больше всего император и его окружение боялись дальнейшего распро-

странения революционной «заразы». Отказ царского правительства оказать помощь греческим повстанцам нанес большой удар престижу России на Балканах.

Конгрессы Священного союза были центром дипломатической борьбы того времени, и Горчаков приобрел там немалый опыт и знания. Кроме непосредственного участия в делах конгрессов он внимательно читал крупнейшие европейские газеты, следил за реакцией общественного мнения в различных странах на события политической жизни Европы. Его прямыми обязанностями было составление донесений для канцелярии Министерства иностранных дел о ходе переговоров на конгрессах. Горчаков выполнял это чрезвычайно трудоемкое дело с редким старанием. В Троппау за три месяца им было написано около 1200 донесений. Директор канцелярии министерства Кудрявский, отмечая, что Горчаков удачно выполняет поручения, писал ему: «Немногие из служащих имеют вашу силу знаний и воли».

Вскоре после Веронского конгресса, в декабре 1822 года, Горчаков был назначен в Англию на должность первого секретаря русского посольства. Это назначение было крупным успехом двадцатичетырехлетнего дипломата: представительство в Великобритании было одним из самых ответственных. Достаточно сказать, что в ту пору чрезвычайные и полномочные послы России находились только в двух городах — Лондоне и Париже.

Через два года Горчаков получил длительный отпуск для поправки здоровья и после длительного лечения на немецких курортах в сентябре 1825 года приехал в Россию. Тогда же состоялось его последнее свидание с Пушкиным.

После окончания Царскосельского лицея жизненные пути Горчакова и Пушкина разошлись, хотя оба они начинали служить в Министерстве иностранных дел. Горчаков быстро проявил свои способности и интерес к дипломатической службе и добился первых успехов. Пушкина не прельщала чиновничья карьера. Он целиком отдается литературному творчеству, сближается с будущими декабристами. Однако симпатии и взаимный интерес лицейских друзей не ослабевали, хотя Пушкин глубоко чувствовал разницу между собой, вольнолюбивым поэтом, которому суждены гонения и невзгоды, и талантливym преуспевающим дипломатом.

Приехав в Россию, Горчаков ненадолго отправился отдохнуть в имение своего дяди «Лямоново» в Псковской губернии. В дороге он простудился и по приезде слег в постель. Поблизости, в селе Михайловском, в то время томился опальный поэт. Услышав о лицейском товарище, Пушкин сразу же отправился навещать его. Они провели вместе целый день, вспоминая друзей, прошлое. Пушкин читал свои стихи (он работал тогда над «Борисом Годуновым»). В эпоху аракчеевщины встреча с сосланным поэтом была отнюдь не безопасна

для начинающего дипломата, и Пушкин писал в прекрасных строках стихотворения «19 октября»:

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе! — фортуны блеск холодной
Не изменил души твоей свободной.
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Восстание декабристов застало молодого дипломата в Петербурге. Еще в лицейские времена Горчаков был далек от революционных идей. С годами, когда его мировоззрение окончательно сформировалось, он оказался сыном своего класса, преданным монархистом, убежденным противником коренных преобразований России. Горчаков отрицательно относился к наиболее реакционным мероприятиям и действиям правительственной администрации, но его либерализм не заходил дальше признания отдельных реформ и необходимости «улучшения» некоторых сторон монархического правления. Он не разделял и не мог разделять взглядов декабристов, хотя в глазах некоторых представителей дворянско-помещичьей России слыл чуть ли не «вольнодумцем».

Горчаков хорошо знал многих декабристов, особенно близко — своих лицейских товарищей Кюхельбекера и Пущина. Со стороны членов тайного общества, несомненно, делались попытки привлечь в свои ряды молодого дип-

ломата. Об этом много лет спустя рассказывал и сам Горчаков, и некоторые современники. Попытки эти оказались напрасными: Горчаков ответил, что «благие цели никогда не достигаются тайными происками». Пребывание за границей и болезнь окончательно оторвали его от старых друзей.

Не удивительно, что утром 14 декабря Горчаков, по собственным словам, «ничего не ведая и не подозревая», поехал в Зимний дворец «в карете цугом с форејтором». Его внимание не привлекли даже «толпы народа и солдат» на улицах Петербурга. Только прибыв во дворец и обнаружив там полную растерянность и панику, он узнал, наконец, что происходит. В рассказах Горчакова о событиях 14 декабря звучит бесстрастие стороннего наблюдателя: одинаково хладнокровно описывает он и свой туалет в этот день, и пушечную стрельбу на Сенатской площади. Ему была непонятна сущность трагедии, разыгравшейся почти у него на глазах.

Интересно, однако, что в России Николая I и Бенкендорфа Горчаков все же находился под подозрением за один лишь факт знакомства с «бунтовщиками». Долгое время в списках III Отделения против его фамилии следовала помета: «Не без способностей, но не любит России». Известно, что означала «нелюбовь к России» в жандармском понимании. Даже много лет спустя, когда Горчаков был назначен на пост министра иностранных дел, один из престарелых николаевских чиновников

воскликнул: «Как можно делать министром человека, знавшего о заговоре 1825 года?»⁵

Вскоре после декабрьских событий Горчаков возвратился в Лондон, но служба его в посольстве продолжалась недолго. У молодого дипломата сложились плохие отношения с начальником. Русским послом был тогда князь Х. А. Ливен, ничем не выдающийся дипломат, имевший, однако, большие связи в придворных кругах. Как-то в частном разговоре с одним сослуживцем Горчаков обронил неосторожную фразу: «Вы не можете себе представить такое положение: быть живым привязанным к трупу». Вскоре этот нелестный отзыв стал известен Ливену. Тот обратился в Петербург с требованием отозвать Горчакова из Лондона.

В это время Нессельроде был уже единственным руководителем российского Министерства иностранных дел: второй статс-секретарь Каподистрия в 1822 году подал в отставку. Ограниченный и малообразованный человек, обладавший весьма малыми дипломатическими способностями, ярый реакционер, Нессельроде упорно стоял на страже интересов Священного союза. Его кумиром был австрийский канцлер Меттерних. Кстати, в течение своего почти сорокалетнего пребывания на посту руководителя внешней политики России Нессельроде так и не научился говорить по-русски. С чиновниками министерства и с царем он объяснялся на французском языке.

Нессельроде окружил себя посредственными людьми, преданными лично ему чиновниками,

часто нерусского происхождения. Горчакова он сразу же невзлюбил. Сам Горчаков объяснял это следующим образом: «Начал я свою карьеру служебную под покровительством и руководством знаменитого впоследствии президента Греческой республики графа Каподистрия. Но этого покровительства было достаточно, чтобы вызвать ко мне нерасположение Нессельроде, который был смертельный враг Каподистрия. Неприязнь эта рано отразилась и на меня»⁶.

Один из очень осведомленных современников так охарактеризовал отношение тогдашнего министра иностранных дел к Горчакову: «Нессельроде не любил его за русское знатное имя, за русские чувства, за отсутствие искательства в начальстве и в сильных людях и более всего еще не любил по влиянию князя Меттерниха»⁷. Окружение Нессельроде не оставило просьбу князя Ливена без последствий, и вскоре Горчаков был переведен первым секретарем русской миссии в Риме.

Неприязнь министра и в дальнейшем сказывалась на дипломатической карьере Горчакова: Нессельроде долго держал его в тени, на второстепенных постах, и очень нескоро Горчакову удалось получить достаточно широкое поле деятельности, где он смог во всей полноте проявить свои способности, знания и опыт.

Горчаков болезненно переживал эту неудачу: его нынешний пост в Риме был куда менее значительным, чем прежний. В Риме он

не был особенно обременен служебными обязанностями и свой досуг использовал для изучения греческого языка. Это позволило Горчакову лучше ориентироваться в сложных греческих делах — в то время острейшей политической проблеме Европы.

Много сил и энергии прилагал Горчаков, чтобы получить более серьезный дипломатический пост, и в конце концов ему удалось этого добиться. В апреле 1828 года он был назначен советником посольства в Берлине, а в декабре того же года переведен на должность поверенного в делах сперва во Флоренции, а затем в Лукке. Это было уже довольно важное дипломатическое поручение, хотя Горчакову не пришлось непосредственно заниматься большими политическими вопросами: в то время итальянские государства находились в стороне от центральных перекрестков европейской дипломатии. В Италии Горчаков пробыл почти четыре года. Хорошо зная итальянский язык и латынь, он штудировал историю Италии, читал труды крупнейших дипломатов прошлого (Флоренция была когда-то центром средневековой дипломатии), изучал искусство Возрождения.

Назначение в Вену

Политическая атмосфера Европы в начале 30-х годов была напряженной. Одним из самых сложных узлов международных противоречий становился так называемый «восточный

вопрос», который формулировался для европейских политиков следующим образом: «Как быть с Турцией?»³ Огромная Османская империя жестоко угнетала множество разноплеменных народов. Турецкие феодалы грабили население покоренных стран, тормозили развитие их экономики и культуры. Особенно тяжелым было положение славянских народов Балканского полуострова. Южные славяне не прекращали борьбы против турецких захватчиков.

Упадок отсталой феодальной Османской империи, разбитой в нескольких войнах, с трудом удерживавшей под своей властью покоренные народы, становился все более явным. В кабинетах Петербурга, Лондона, Парижа и Вены открыто говорили о дележе наследства «больного человека» — Турции. Для России «восточный вопрос» имел особое значение. Царизм стремился добиться свободы торговли и мореплавания через черноморские проливы и утвердить свое влияние на Балканах и в Закавказье. Таким образом, в «восточном вопросе» царизм преследовал захватнические цели. В то же время следует подчеркнуть, что наступление России против Турции объективно способствовало освобождению балканских народов и встречало с их стороны горячую поддержку. Значительно усилилось влияние России на Балканах после победы в русско-турецкой войне 1828—1829 годов.

Успехи России были враждебно встречены правителями других европейских государств,

в первую очередь Австрии. «Лоскутная монархия», под игом которой также томились многие славянские народы, опасалась и усиления русского влияния и роста освободительного движения на Балканах. Обострились и русско-английские отношения: английская буржуазия, для которой турецкие провинции служили огромным рынком сбыта промышленных товаров, старалась противодействовать проникновению России на Балканы.

В такой обстановке 7 ноября 1833 года А. М. Горчаков получил назначение на ответственный пост советника русского посольства в Вене.

На протяжении почти всей первой половины XIX столетия внешней политикой Австрии руководил государственный канцлер князь Меттерних, имя которого вошло в историю дипломатии как синоним беспринципного интригана и двурушника. Выражая интересы реакционного австрийского дворянства, Меттерних стал создателем всеевропейской политической системы, задачей которой являлось беспощадное подавление всякого освободительного движения. Один из вдохновителей Священного союза, Меттерних заискивал перед русскими императорами, видя в царизме союзника в подавлении революции, угроза которой постоянно висела над многонациональной империей Габсбургов. В то же время Меттерних ненавидел и боялся могущественного восточного соседа, постоянно интриговал против России, удачно используя при этом реакционные устремления

царского самодержавия и традиционные связи русского и австрийского дворов.

Приехав в Вену, Горчаков по своему обыкновению начал подробно знакомиться с политическим положением в стране. Опыт долголетней дипломатической службы при различных европейских дворах позволил ему правильно оценить политику австрийского кабинета и трезво подойти к заявлениям Меттерниха о «преданности» России. Артистическое притворство австрийского канцлера и его необычайную изворотливость Горчаков помнил еще по конгрессам Священного союза.

В то время русским посланником в Вене был престарелый Д. П. Татищев, который находился под сильным влиянием Меттерниха и пребывал в уверенности, что пылкие речи австрийского канцлера о его дружбе к России соответствуют истине. Новый советник русского посольства придерживался другого мнения.

Неоднократно исполняя обязанности посланника, Горчаков шлет многочисленные депеши в Петербург, доказывая, что Меттерних втайне организует противодействие русской политике на Балканах. Горчаков напоминал о враждебной позиции Австрии во время минувшей русско-турецкой войны. Он информировал Петербург, что за спиной России Меттерних пытается договориться с Англией о борьбе против усиления русского влияния в Турции. Главную задачу русской дипломатии в Вене Горчаков усматривал в том, чтобы не

допустить направленного против России союза Австрии с Англией.

Донесения Горчакова с неудовольствием воспринимались в Петербурге, так как в русском кабинете были очень сильны проавстрийские настроения (чему немало способствовал ученик Меттерниха Нессельроде). Русское Министерство иностранных дел оставалось глухо к предостережениям Горчакова.

В сентябре 1835 года в местечке Теплице состоялась встреча монархов России, Австрии и Пруссии. Во время переговоров был обсужден, в частности, вопрос о судьбе польского вольного города Кракова. Еще со времен Венского конгресса этой крошечной части Польши было оставлено подобие независимости, ибо тогда никак не удалось договориться, кому должна принадлежать древняя польская столица. Теперь Николай I пошел на уступку Австрии и согласился на то, чтобы Краков вошел в австрийскую таможенную систему. Фактически это означало присоединение города к австрийским владениям.

Горчаков не одобрял решения о передаче Кракова Австрии. Это вело к усилению империи Габсбургов, не давая России ничего взамен. Горчаков совсем не разделял уверенности Нессельроде, будто австрийское правительство намерено поддерживать Россию против Турции. Наоборот, он предупреждал, что содействие Австрии «всегда будет более кажущимся, нежели действительным».

Меттерниху, разумеется, стало известно о взглядах Горчакова, и австрийский канцлер, пользуясь своим влиянием на Нессельроде, старался избавиться от опасного противника из русского посольства. Неважные отношения сложились у Горчакова и с его непосредственным начальником — посланником Д. П. Тащищевым.

Впоследствии Горчаков рассказывал об этом периоде своей деятельности: «Я не пользовался благоволением императора Николая Павловича именно вследствие неприязни ко мне графа Нессельроде. Многие годы сидел я в Вене, не получая очередных почетных наград». Это обстоятельство болезненно задевало самолюбивого Горчакова, тем более что его деятельность в Австрии была значительно шире той должности, которую он официально занимал. За время службы в венском посольстве Горчаков четыре раза исполнял обязанности посланника, причем один раз на протяжении десяти месяцев⁹. Он от своего имени посылал депеши в Министерство иностранных дел, ему были адресованы письма Нессельроде. Современники отмечали, что к тому времени Горчаков приобрел большую известность в дипломатических кругах. Но в Петербурге его способностей не оценили. Под влиянием Нессельроде отношение к нему в правительственных сферах было неблагоприятное.

Независимость Горчакова, самостоятельность его мнений, отсутствие подобострастия не могли расположить к нему правителей

николаевской России. Вот один характерный эпизод. 26 сентября 1835 года, вскоре после окончания переговоров в Теплице, Николай I в сопровождении шефа жандармов Бенкендорфа прибыл в Вену. Горчаков в это время исполнял обязанности посланника и нанес визит Бенкендорфу. Позже Горчаков рассказывал об этой встрече: «После нескольких холодных фраз он, не приглашая меня сесть, сказал: — «Потрудитесь заказать хозяину отеля на сегодняшний день мне обед».

Я совершенно спокойно подошел к колокольчику и вызвал метрдотеля гостиницы.

— «Что это значит?» — сердито спросил граф Бенкендорф.

— Ничего более, граф, как то, что с заказом об обеде вы можете сами обратиться к метрдотелю гостиницы.

Этот ответ составил для меня в глазах всеильного тогда графа Бенкендорфа репутацию либерала»¹⁰.

Трения Горчакова со многими высокопоставленными чиновниками различных инстанций Министерства иностранных дел привели к тому, что ему пришлось оставить Вену. 26 апреля 1838 года он был, как сказано в формулярном списке, «уволен от должности советника посольства в Вене для употребления по другим делам». Шло время, но никакого «употребления» Горчаков не получил. Вскоре он сделал, по словам одного из его близких знакомых, «превеликую глупость в борьбе с врагами»: подал в отставку, рассчитывая, что ее

не примут. Ее, однако, приняли, и 25 июля Горчаков был, «согласно прошению его, уволен вовсе от службы»¹¹.

В течение довольно долгого времени он оставался в стороне от дипломатической службы. Для честолюбивого, деятельного Горчакова это было большим ударом. Он прилагает всю свою энергию для получения должности по ведомству иностранных дел.

Тогда же в личной жизни Горчакова произошло важное событие: в 1838 году он женился на вдове графа Мусина-Пушкина, урожденной княжне Урусовой. Влиятельные родственники жены помогли Горчакову возвратиться к большой дипломатической деятельности.

После настойчивых усилий Горчаков добился получения ответственного и самостоятельного поста. 5 декабря 1841 года он был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Вюртембергском королевстве — одном из тридцати восьми государств тогдашней Германии. Современники передают, что Горчаков будто бы сказал по поводу своего нового назначения: «Это не много, но значит поставить ногу в стремя»¹².

В германских государствах

26 марта 1842 года Горчаков вручил свои верительные грамоты вюртембергскому королю.

На протяжении многих столетий, вплоть до семидесятых годов XIX века, Германия оставалась страной, лишенной государственного единства, раздробленной на множество королевств, княжеств и вольных городов. Порой эти «государства» были так малы, что, по образному замечанию Гейне, всю принадлежащую им землю можно было унести на подошвах ботинок. После Венского конгресса создан союз германских государств. Внутри союза шла борьба за гегемонию между двумя наиболее сильными государствами — Австрией и Пруссией.

В сороковых годах влияние царской России в германских государствах было очень велико. Правители мелких монархий заискивали перед петербургским двором. Некоторые из них были связаны брачными узами с царской семьей.

Более десяти лет пришлось провести Горчакову посланником в Штутгарте — столице Вюртембергского королевства. Территория этого государства Южной Германии составляла лишь часть Петербургской губернии, однако вюртембергский король Вильгельм I ни в чем не желал отставать от других монархов. Сложнейший придворный церемониал соблюдался в Штутгарте со всей тщательностью. Огромный двор и «армия» поглощали значительную часть скромного королевского бюджета.

Несмотря на небольшие размеры Вюртембергского королевства, задачи Горчакова как

посланника были довольно важны. Германская проблема имела большое значение для всей русской дипломатии в Европе. Сложные отношения между многочисленными немецкими государствами, интриги других великих держав, соперничество Австрии и Пруссии — все это требовало тщательной информации о положении дел в Германии для определения курса русской дипломатии. Царскому правительству необходимо было постоянно маневрировать, чтобы сохранять «равновесие» среди немецких государств, препятствуя образованию сильной единой державы у западных границ России, и в то же время «отечески» покровительствовать реакционным монархическим режимам.

Горчаков тщательно изучил обстановку внутри Германского союза и подробно информировал Министерство иностранных дел о всех важных политических событиях. Для этого ему пришлось очень много работать, особенно в первые годы. Священник русского посольства рассказывает в своих воспоминаниях, что Горчаков приходил в посольство раньше всех, вызывал кого-либо из секретарей и сразу же начинал заниматься изучением дипломатических материалов, диктовать донесения, — «такая у него была горячая и нетерпеливая натура»¹³.

Между тем тучи на политическом горизонте Германии сгущались. Приближался 1848 год. Горчаков отчетливо видел, как накаляется обстановка в Вюртемберге. В мае 1847 года в королевстве вспыхнули «голодные бунты»,

принявшие очень острый характер. Горчаков с тревогой сообщал в Петербург по этому поводу: «Простой народ оказался лишенным всякого почтения даже к принцам царствующего дома».

Февраль 1848 года принес с собой весть о революции: парижские рабочие свергли монархию. Вспыхнув во Франции, пламя революционного пожара сразу же распространилось почти на все страны европейского континента. В марте Австрия, Пруссия и многие мелкие германские государства были охвачены бурным революционным движением. В Вюртемберге первое значительное выступление народных масс произошло уже 29 февраля. Горчаков правильно усмотрел в этом начало большого процесса: «Топор уже стучит в основание социального дерева», — писал он в Петербург.

В страхе перед движением народных масс Вильгельм I вынужден был пойти на уступки: было объявлено об отмене феодальных повинностей в деревне (за выкуп), свободе союзов и печати и т. д. Перепуганный король говорил Горчакову, что соглашается на эти реформы лишь в стремлении «выиграть время до того момента, когда великие державы захотят и смогут прийти ему на помощь», и просил Горчакова передать эти слова Николаю I.

В период революции 1848 года не один вюртембергский король с надеждой взирал на Николая I. Все реакционные монархи Европы справедливо видели в царской России «между-

народного жандарма». Николай I не мог допустить победы революции в Австрии и Германии: революционное движение грозило перекинуться и в Россию, глухо волновались Польша и западные губернии. Царское правительство сосредоточило на европейской границе России огромную армию.

Обстановка в Вюртемберге в период революции была очень напряженной. В письме к родственникам летом 1848 года Горчаков с тревогой отмечал: «Положение мое изобилует трудностями».

Посланник действовал очень энергично. Когда началось восстание в Венгрии, он подробно информирует Петербург о действиях венгров, используя для этой цели поступающую из соседней Австрии информацию. Русское посольство в Вюртемберге в ту пору работало очень интенсивно. Горчаков писал, что курьеры из Штутгарта следуют один за другим по всем направлениям.

К революционным событиям 1848 года Горчаков отнесся резко отрицательно. Все происходившее представлялось ему «кошмаром». Силы революции он называл в своих депешах не иначе, как «партией анархии»¹⁴. Из всех сил стремился он спасти монархические режимы в Австрии и Германии, а заодно не допустить создания единого немецкого государства. В этом у Горчакова не существовало никаких разногласий с общей политической линией правительства Николая I. Он был и оставался истинным представителем своего

класса. Его «либерализм», о котором так много говорили и до и после описываемых событий, ничуть не мешал русскому посланнику в Штутгарте бороться с демократическим движением. Горчаков в период революции 1848 года всячески подчеркивал свою преданность самодержавным устоям. Ему удалось добиться личной встречи с царем. С радостью сообщал Горчаков в письме из Варшавы, куда он приезжал весной 1849 года для доклада Николаю I: «На днях имел счастье обедать с его императорским величеством». Эти царедворские усилия Горчакова не были напрасны: вскоре он получил несколько наград.

Прилагая все усилия для подавления революции, Горчаков, умный политик, хорошо ориентировался в происходящих событиях. Он верно подметил серьезные противоречия внутри революционного движения, различия между буржуазией и народными массами. «Буржуазия, кажется, начинает понимать,— писал Горчаков еще в марте 1848 года,— что в ее же собственных интересах в настоящий момент поддерживать правительство»¹⁵.

Немецкая буржуазия, придя к власти в результате революции, вскоре же пошла на соглашение с помещиками и предала своих союзников. Революционные выступления народных масс были задушены. К лету 1849 года революция потерпела поражение по всей Германии. В это же время царские войска разгромили армию венгерских повстанцев. Реакция восторжествовала. Горчаков в одном

из писем выразил искреннюю радость по поводу окончания «сгущенной атмосферы 1848 года».

Теперь задачей царской дипломатии было не допустить воссоединения Германии. Оказав энергичное воздействие на правительства германских государств, царизм добился роспуска образованного Пруссией союза германских государств — «Унии». В 1850 году в местечке Оломоуце представители Австрии и Пруссии подписали соглашение, в котором прусское правительство капитулировало по всем спорным вопросам. Фактически был восстановлен Германский союз и союзный сейм образца 1815 года.

В начале 1850 года Горчаков был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Германском союзе. Одновременно он сохранил должность посланника в Вюртемберге. Дипломатическая задача, стоящая перед Горчаковым, была очень сложна. Его целью было добиться сохранения федерации Германского союза, не допуская в нем преобладания ни Пруссии, ни Австрии. Между этими крупнейшими государствами Германии постоянно возникали трения, и Горчаков должен был то и дело выезжать из Штутгарта во Франкфурт, где заседал союзный сейм.

В германском вопросе Горчаков в тот период придерживался той точки зрения, что сохранение союза немецких государств есть лучшая гарантия безопасности России с запада.

Прочность этого союза, с одной стороны, не была достаточно велика, чтобы сплотить Германию в единое целое, но ее вполне хватало, чтобы, с другой стороны, создать политический противовес Австрии. В течение 1850—1852 годов русской дипломатии удавалось поддерживать это выгодное для себя «равновесие».

По этой же причине русская дипломатия выступала против усиления Пруссии и стремилась ограничить ее аппетиты. В 1851 году Горчаков подготовил доклад, в котором указывал на аннексионистские планы Берлина в отношении Дании (Пруссия уже с 1848 года неоднократно пыталась присоединить принадлежавшее Дании герцогство Голштиния) и предлагал целый ряд дипломатических мер, чтобы предотвратить датско-прусское столкновение. В Копенгагене выступление Горчакова было встречено с величайшим удовлетворением. Он даже получил за это датский орден.

Во Франкфурте произошло знакомство Горчакова с малоизвестным тогда Отто фон Бисмарком, который с 1851 года был представителем Пруссии в германском сейме. Будущий «железный канцлер» в то время только начинал свою политическую карьеру. Убежденный реакционер, выразитель интересов прусского юнкерства, он был, несомненно, талантливым политиком, обладавшим непреклонной волей и немалыми дипломатическими способностями. Бисмарк сам говорил, что как дипломат он многим обязан Горчакову, и называл его

своим учителем. В многочисленных письмах — а Бисмарк и Горчаков переписывались два десятка лет — германский канцлер не скупился на льстивые слова, именуя Горчакова «глубокопочтимым другом и покровителем», и даже сентиментально предлагал ему поселиться под старость в соседних имениях¹⁶.

Но это были слова. А на самом деле «дружба» Бисмарка и Горчакова объяснялась чисто политическими соображениями. Любви друг к другу они отнюдь не питали. Бисмарк охотно играл роль простака, объясняющегося с грубой откровенностью, и этим ловко обманывал многих. Но Горчаков видел, какой умный и коварный противник скрывается под маской «простого прусского солдата», и не доверял ни одному его слову. В свою очередь Бисмарк считал Горчакова одним из самых опасных соперников среди европейских политических деятелей. Бисмарка часто раздражало противодействие его планам со стороны русской дипломатии, но он понимал огромную потенциальную мощь России и неоднократно говорил о недопустимости всяких авантур по отношению к ней.

В течение длительного времени Бисмарк и Горчаков вели — с переменным успехом — упорную дипломатическую войну, прикрытую самыми изысканными любезностями на французском языке.

В 1853 году Горчакова постигло личное горе: скоропостижно скончалась его жена. Горчаков был чрезвычайно потрясен случившимся.

«Стражду телом и духом», писал он своим близким. Одно время им овладели совсем не свойственные его натуре мистические настроения. Но Горчаков нашел в себе силы преодолеть несчастье. Много времени он уделяет воспитанию двух своих сыновей, заботится о детях жены от первого брака. С удвоенной энергией продолжал он работать.

Стояла осень 1853 года. Россия была на пороге большой, тяжелой войны.

Крымская война. Горчаков выходит на авансцену мировой дипломатии

Поражение революции 1848 года привело к усилению роли царизма в международных делах. Правящие классы Франции, Австрии и Пруссии — стран, наиболее потрясенных революцией, — чувствовали себя еще неуверенно и не могли выступать против Николая I. Царская Россия обрела решающий голос на европейском континенте. Но такое положение продолжалось недолго.

Военное могущество самодержавия покоилось на зыбком фундаменте отсталого крепостнического строя. Безграничная самоуверенность Николая I, которую угодливо поддерживал Нессельроде, не позволяла царскому правительству заметить наступившее значительное ухудшение дипломатического положения России. В самом деле, русско-пруссские отношения после Оломоуца стали весьма хо-

лодными. Австрийское правительство больше не нуждалось в поддержке царских армий. Венский кабинет не испытывал по отношению к России никакой «благодарности», на которую рассчитывал Николай I после 1849 года. Наконец, Англия и Франция серьезно опасались дальнейшего наступления царизма в Турции и на Ближнем Востоке, стремились отбросить Россию от азиатских рынков, установив свой контроль над проливами.

Царское правительство намеревалось воспользоваться безраздельным, казалось, влиянием России на европейском континенте, чтобы окончательно утвердиться на Балканах и захватить черноморские проливы. Поводом для выступления послужил очередной конфликт по поводу так называемых «святых мест» в Палестине (принадлежавшей Турции). Англия и Франция, на словах взывая к примирению, всячески провоцировали войну, тайно обещая туркам свою поддержку. В Константинополе, зная о настроениях Парижа и Лондона, отвергли требования царя. Русские войска оккупировали Дунайские княжества Молдавию и Валахию.

4 октября 1853 года разразилась Восточная война.

Уже первые сражения показали, что без помощи западноевропейских союзников Турция будет разбита в короткий срок. Русский флот под командованием адмирала Нахимова уничтожил турецкие корабли в Синопской гавани.

Весной 1854 года русская армия перешла Дунай и осадила крепость Силистрию.

Английская и французская буржуазия поспешили спасти Турецкую империю. 15 марта Англия, а на следующий день — Франция объявили войну России. Вслед за тем англо-французские войска высадились в болгарском порту Варна на черноморском побережье.

Основные силы противников вели боевые действия у юго-западных границ России, поэтому очень важное значение приобрел вопрос о том, какую позицию займет австрийское правительство. Вскоре выяснилось, что Австрия явно склоняется на сторону союзников. Австрийские войска подозрительно концентрировались в Трансильвании, угрожая русской армии на Дунае с тыла. 4 июля Австрия предложила России вывести войска из Дунайских княжеств. Николай I был взбешен. Он поносил «вероломное» австрийское правительство за его «бесстыдную неблагодарность». Но делать было нечего, русские войска пришлось отвести за Дунай.

В этой тревожной обстановке русским посланником в Австрии был назначен А. М. Горчаков (первое время он именовался лишь исполняющим обязанности посланника). Его предшественник Мейендорф, родственник министра иностранных дел Австрии Буоля, недвусмысленно придерживался проавстрийской ориентации. Горчаков знал Буоля давно. Они встречались еще в Лондоне, затем одновременно были посланниками в Штутгарте и

уже с тех пор не питали друг к другу ни малейшей симпатии. Эти обстоятельства создавали новому русскому посланнику дополнительные трудности.

Горчаков прибыл в Вену 5 июля 1854 года и по обыкновению сразу же развернул энергичную деятельность. На следующий же день он начал переговоры с Буолем, возглавлявшим антирусскую партию в австрийском правительстве.

Вскоре же Горчаков убедился во враждебной позиции Австрии. Уже 12 июля он доносит в Петербург, что Буоль всячески подговаривает прусское правительство устроить военную демонстрацию против России. В этой связи Горчаков сделал правильный вывод: «Наша дипломатическая задача в эту зиму (1854—1855 годов.— С. С.),— писал он в одном из позднейших донесений,— будет состоять в том, чтобы помешать включению Пруссии и остальной Германии в орбиту Австрии»¹⁷. Вместе с тем Горчаков подметил и серьезные колебания в австрийском кабинете.

Боясь усиления России, правительство Австрии в то же время опасалось и Наполеона III, который, угрожая австрийским владениям в Италии, требовал присоединения Австрии к союзникам. Горчаков точно отметил причины, определяющие позицию Вены: «Политика здесь делается час за часом в зависимости от страха, который внушаем мы, или от давления, которое оказывает Запад»¹⁸.

В июле 1854 года союзники предложили Николаю I заключить перемирие и начать переговоры при условии принятия Россией следующих «четырёх пунктов»: отмена русского протектората над Дунайскими княжествами; отказ от исключительного покровительства живущим в Турции христианам; свободное плавание по Дунаю судов всех великих держав; пересмотр режима черноморских проливов. В это же время Горчаков узнал о секретных переговорах между Францией и Австрией. Правильно учитывая тяжело складывающуюся для России обстановку, Горчаков советовал Николаю I принять «четыре пункта». Однако к этому разумному предложению в Петербурге не прислушались. В августе Горчаков получил от Нессельроде официальный ответ, где заявлялось о категорическом отказе от принятия «четырёх пунктов».

2 сентября 1854 года большая англо-французская армия высадилась в Крыму около Евпатории и повела наступление на Севастополь. Началась героическая оборона города. Тяжелое положение русских войск в Крыму придало храбрости австрийским дипломатам. Горчаков сообщал в Петербург 7 октября: «Я держу самого дурного мнения о намерениях венского кабинета относительно нас». Усилилось и давление на австрийское правительство со стороны западных держав. «Если союзники будут иметь решительный успех в Крыму,— писал Горчаков,— Австрия сделает все, чего они от нее ни потребуют».

Видя, что дипломатическое и военное положение России катастрофически ухудшается, Николай I и Нессельроде согласились на условия «четырех пунктов». Но было уже поздно. Когда Горчаков сообщил об этом Буолю, тот недвусмысленно дал понять, что теперь обстановка изменилась и соответственно изменились условия союзников. А через несколько дней, в начале декабря 1854 года, в Вене был подписан договор о союзе Австрии с западными державами.

Не решаясь все же объявить войну России, австрийское правительство предложило начать в Вене совещание воюющих сторон на уровне послов, в котором, разумеется, должен был участвовать и представитель Австрии. Выдвигая это предложение, австрийские политики надеялись без единого выстрела получить новые приращения к «лоскутной монархии».

Первое заседание с участием Горчакова, Буоля, английского и французского послов состоялось только 28 декабря. Союзники не спешили с началом переговоров, пока их войска не добились решающей победы в Крыму. В Вене они стремились лишь прощупать, насколько велика уступчивость России. От твердого поведения Горчакова зависело многое. Уже на первом заседании стало ясно, что представители западных держав намерены предъявить России гораздо большие требования, чем те, что содержались в «четырех пунктах». Горчаков уступал в мелочах, но решительно

отказывался от каких бы то ни было ограничений суверенных прав России. Это касалось прежде всего так называемой «нейтрализации» Черного моря, о которой заговорили представители Англии и Франции. На переговорах Горчаков держался подчеркнуто гордо и даже вызывающе, демонстрируя тем самым, что военные неудачи не меняют положения России как великой державы.

В начале 1855 года состоялось еще несколько заседаний конференции послов. Горчаков пытался найти приемлемый для России вариант мирного договора на основе «четырёх пунктов». Он запросил Николая I об инструкциях. Однако царское правительство не хотело признать свое поражение. Не очень настаивали на заключении мира и союзники. Война продолжалась.

В феврале 1855 года скоропостижно умер Николай I. В Лондоне, Париже и Вене в первое время оживились надежды, что от нового царя Александра II легче будет добиться больших уступок при заключении мира. Но в Петербурге все еще надеялись склонить военное счастье на свою сторону. 28 марта начались новые ожесточенные бои под Севастополем. Конференция зашла в тупик. Послы перестали собираться на совещания.

Горчаков тяжело переживал неудачи России. Переговоры, которые он вел в Вене, происходили в очень сложной обстановке. Ему пришлось преодолевать проволочки англо-французской дипломатии, вызывающее пове-

дение Буоля, негибкость руководителей русской внешней политики. Горчаков с горечью говорил одному из участников Севастопольской обороны: «Вы не имеете права сомневаться в правдивости моих слов, если я скажу, что предпочел бы стоять простым солдатом с ружьем в руках на бруствере самого угрожающего пункта, например на четвертом бастионе, чем быть представителем России на Венской конференции»¹⁹.

27 августа 1855 года после одиннадцатимесячной обороны русские войска оставили дымящиеся развалины Севастополя. В Закавказье борьба еще продолжалась, но было ясно, что Россия потерпела поражение. В этот момент появилась возможность смягчить военные неудачи дипломатическим путем.

В лагере союзников обнаружилось серьезные противоречия между Англией и Францией относительно дальнейшего хода войны. Глава английского правительства Пальмерстон жаждал активизации военных действий, рассчитывая нанести сокрушительный удар и затем расчленив Россию. Французский император Наполеон III считал, что цели Франции — подорвать русское влияние на Ближнем Востоке и взять «реванш» за 1812 год — уже достигнуты, поэтому продолжение кровопролитной войны будет выгодно одной Англии. В такой обстановке поздней осенью 1855 года в русское посольство явился крупный венский банкир Сипа и рассказал Горчакову о полученном им сообщении из Парижа, что прибли-

женный Наполеона III граф Морни выражал надежду на скорое заключение мира с Россией. Горчаков отлично понял, какие большие выгоды может извлечь для себя Россия из разногласий в лагере противника и, не дожидаясь даже разрешения царя, которого он уведомил о сообщении из Парижа, тут же дал согласие начать конфиденциальную переписку с Морни.

Все пошло хорошо. Горчаков заверял Морни, что Россия готова к миру, если от нее не будут требовать унизительных уступок. Тот отвечал, что Франция согласна пойти навстречу России. Горчаков уже ставил вопрос шире, говоря о возможности франко-русского сближения в будущем.

Вдруг в самый разгар успешно начавшихся переговоров русское посольство в Вене получило распоряжение Нессельроде прекратить сношения с Морни. Министр иностранных дел пожелал взять переговоры в свои руки. Его вмешательство привело только к ухудшению отношений с Францией, так как Нессельроде не придумал ничего лучшего, как довести до сведения Австрии о начавшихся переговорах. Многообещающий дипломатический ход Горчакова был сорван.

В декабре 1855 года Австрия предъявила России ультиматум. Русскому правительству предлагалось теперь заключить мир на условиях гораздо более худших, чем было намечено в прошлогодних «четырёх пунктах».

В противном случае Австрия грозила войной. Пруссия, на помощь которой так надеялись в Петербурге, также склонялась на сторону союзников. Россия оказалась в изоляции. На лицо было полное военное и дипломатическое поражение царизма.

Правительство Александра II после некоторых колебаний вынуждено было согласиться на мирные переговоры. 13 февраля 1856 года в Париже открылся конгресс представителей воюющих держав, а также Австрии. Русскую делегацию возглавлял опытный дипломат граф А. Ф. Орлов. Он сумел удачно использовать разногласия, существовавшие между Англией и Францией, однако условия Парижского мира оказались для России все же весьма тяжелыми. Турции возвращались все занятые русскими войсками области. Россия теряла южную часть Бессарабии и должна была отказаться от исключительного права покровительства христианам в Турции.

Наиболее тяжелыми были статьи Парижского трактата, запрещавшие России иметь на Черном море военный флот и военно-морские арсеналы. Статья XI гласила: «Черное море объявляется нейтральным; открытый для торгового мореплавания всех народов вход в порты и воды оно формально и навсегда воспрещается военным судам, как прибрежных, так и всех прочих держав...» Она дополнялась статьей XIII: «Вследствие объявления Черного моря нейтральным... не может быть нужно содержание или учреждение военно-

морских на берегах одного арсеналов, как не имеющих уже цели»²⁰. По специально принятой конвенции России и Турции разрешалось иметь в Черном море не более десяти небольших военных судов.

Суверенные права России на Черном море были существенно ограничены. Горчаков называл эти статьи Парижского трактата позорным пятном в истории России.

Важнейшие задачи русской дипломатии

Дипломатическая история Крымской войны наглядно продемонстрировала крах всей внешнеполитической системы Николая I — Нессельроде; союз

трех наиболее реакционных держав континента (России, Австрии и Пруссии) окончательно распался. Военная мощь царизма была ослаблена, его влияние на международные дела европейского континента — подорвано. В то же время соотношение сил на мировой арене также существенно изменилось. В этих условиях необходимо было повернуть руль русской внешней политики. Нессельроде и его ближайшее окружение для этой цели, разумеется, не годились. Престарелый канцлер любезно получил от нового императора еще одну награду, а затем был выпровожен из Министерства иностранных дел.

А. М. Горчаков уже с марта 1856 года находился в Петербурге. Имя его было в придворных кругах у всех на устах. Твердость, с которой он держался на трудных перегово-

рах в Вене, произвела на дворянство большое впечатление. Знали также, что Горчаков расходился во взглядах с Нессельроде и был решительным противником австрийской ориентации. Мемуаристы того времени отмечают, что разговоры о необходимости назначить Горчакова министром иностранных дел получили самое широкое распространение.

А. Ф. Тютчева, дочь поэта и дипломата Ф. И. Тютчева, бывшая тогда фрейлиной императрицы и хорошо осведомленная о настроениях в правительственных кругах, отметила в своем дневнике, что на молебне двора 25 марта 1856 года по поводу заключения Парижского мира распространился слух об увольнении Нессельроде и назначении на его место Горчакова. «Все, по-видимому, были обрадованы этими известиями,— пишет Тютчева,— хотя они еще не были официальные. Отставка министров, деятельность которых привела к бедствиям этой войны и к позорному миру,— это некоторое удовлетворение, которое дается общественному мнению и указывает на желание изменить направление внешней политики и преобразовать внутреннее управление. Горчаков в Вене до дна испил чашу унижения, вряд ли он будет сторонником Австрии, каковым всю жизнь был Нессельроде. Если бы нам удалось теперь окончательно отказаться от наших прежних ошибок и открыто и всецело соединиться с Францией, бросить Германию, обратить все наши симпатии на славянские

народы, не вмешиваться в полицейские дела других государств,— мы бы еще все наверстали...»²¹

15 апреля 1856 года Александр Михайлович Горчаков был назначен министром иностранных дел. Он оставался на этом посту более четверти века.

Горчаков начал свою министерскую деятельность в очень сложной обстановке. Поражение царизма в войне резко обострило внутреннее положение страны. Россию потрясали массовые крестьянские волнения. Назревала революционная ситуация. Царское правительство искало выход из кризисного положения в частичных реформах буржуазного характера при сохранении основ самодержавного строя. Прежде всего это касалось отмены крепостного права: нужно было «освободить» крестьян таким образом, чтобы помещики не понесли никакого ущерба. Началась эпоха «великих реформ». В правительственных канцеляриях создаются многочисленные комитеты для рассмотрения всевозможных проектов преобразований.

Высокопоставленный государственный сановник, Горчаков принимал участие в обсуждении важнейших вопросов внутренней политики. В целом он полностью поддерживал общий курс правительства Александра II и был последовательным сторонником буржуазных реформ. Горчаков и здесь подтвердил свою репутацию «либерала», выступая против полицейских «крайностей» царской администрации.

Однако его либерализм имел в значительной мере показной характер. Всю жизнь Горчаков оставался убежденным монархистом, классовые дворянские привилегии были для него незыблемы (он стоял за «освобождение» крестьян, но без земли). Вместе с тем, будучи опытным дипломатом, он понимал значение либеральной фразы и никогда не скупился на нее.

В обсуждении внутривластных проблем Горчаков не играл главной роли. Зато в области международной политики России влияние Горчакова было исключительно велико. В этом смысле у него не имелось конкурентов. Александр II всегда внимательно прислушивался к его мнению, причем Горчаков держался с императором с гораздо большей независимостью, чем его предшественник.

Первым крупным актом нового министра иностранных дел явилось издание им своего рода программного документа, где с полной определенностью были провозглашены принципы русской внешней политики в изменившейся международной обстановке. 21 августа 1856 года Горчаков направил всем посольствам и миссиям России за границей циркуляр, которому суждено было стать важной вехой в истории русской дипломатии. Прежде всего провозглашался недвусмысленный отказ от наследства Священного союза: «Связь единения с теми, кто в продолжение многих лет поддерживал вместе с нами начала, обеспечивавшие в Европе мир более четверти века,

ныне не существует в прежней своей силе... Обстоятельства вернули нам полную свободу действий»²². Далее в циркуляре подчеркивалось, что политика России будет «национальна», то есть русское правительство впредь не намерено жертвовать собственными интересами во имя каких-либо устарелых принципов и обязательств.

В ноте Горчакова прямо формулируется мысль, что на ближайшее время Россия намерена воздерживаться от активного участия в международных делах. Главная задача, которая стоит сейчас перед русским правительством, — это «развитие внутренних сил страны». Но Россия не собирается навсегда изолировать себя от остального мира. И Горчаков дает четкий и выразительный лозунг нового внешнеполитического курса: «*La Russie boude, dit-on. La Russie ne boude pas. La Russie se recueille*» («Говорят, что Россия сердится. Нет, Россия не сердится. Россия сосредоточивается») *.

Циркуляр Горчакова вызвал большой политический резонанс как в России, так и за границей. Дворянско-буржуазная общественность с одобрением встретила внешнеполитическую программу Горчакова, уверенный и решительный тон его ноты. Зарубежная пресса широко комментировала циркуляр нового русского

* Все дипломатическое делопроизводство того времени велось на французском языке. Нота Горчакова также была написана по-французски.

министра. Слова Горчакова «Россия сосредоточивается» стали крылатой фразой.

Ограничение внешнеполитической программы царизма на ближайшие годы диктовалось главным образом внутренним чрезвычайно непрочным положением царизма, складывавшейся революционной ситуацией. Вооруженные силы страны находились в плачевном состоянии: старая, крепостническая армия была непригодна, новую еще предстояло создать. Незащищенность берегов Черного моря — результат поражения в Восточной войне — делала Россию весьма уязвимой стратегически. Наконец, после 1856 года царизм оказался в состоянии полной дипломатической изоляции, утратив всех своих прежних союзников. В этих условиях нечего было и думать о проведении наступательной внешней политики. Перед российской дипломатией ставилась исключительно сложная задача: не вступая в серьезные конфликты, добиться отмены Парижского трактата, в полной мере восстановить престиж России как великой державы.

Новые политические задачи требовали и новых приемов дипломатической деятельности. Став министром иностранных дел, Горчаков принялся за перестройку громоздкого и негибкого дипломатического аппарата, сложившегося в николаевское время. Прежде всего он позаботился об улучшении специальной подготовки сотрудников. С 1859 года для всех лиц, желавших поступить на службу в Министер-

ство иностранных дел, были введены строгие вступительные экзамены. При Нессельроде на русской дипломатической службе находилось много иностранцев: немцев, итальянцев, французов; некоторые из них имели весьма сомнительную репутацию. При Горчакове на службу в Министерство иностранных дел принимались преимущественно русские. Однако сословная замкнутость дипломатического аппарата по-прежнему сохранялась.

Горчаков понимал важную роль общественного мнения и стремился воздействовать на него. Фактическим рупором Министерства иностранных дел в России стала газета «Голос». С этой же целью за границей специально издавалась газета «Nord». Конечно, для Горчакова существовало лишь «общественное мнение» правящих классов. Именно на него он ориентировался. Например, во время Парижской коммуны «Голос», отражая взгляды своего закулисного руководителя, всячески клеветал на коммунаров.

К общественности обращены и многие ноты Горчакова, как правило, пронизанные острой публицистичностью. Дипломатические документы, вышедшие из-под его пера, отнюдь не носят печати канцелярского делопроизводства. Напротив, они явно апеллируют к общественному мнению (в горчаковском понимании). Обладая несомненным литературным талантом, русский министр иностранных дел умел так составить свои ноты, что они доходили до всей читающей публики в России. Это

в большой степени способствовало популярности политики Горчакова и его собственной популярности. От русских дипломатических представителей за границей Горчаков также требовал проявления большей активности в политических кругах стран, в которых они были аккредитованы.

В 1868 году вступила в действие разработанная Горчаковым новая структура Министерства иностранных дел: количество инстанций и канцелярий было сокращено, одновременно увеличены права руководителей отделов. Горчаков говорил, что большие права и большая ответственность, несомненно, эффективнее, чем «прежняя система многократной проверки младших чиновников старшими». Следует отметить, что структура министерства, установленная при Горчакове, с очень небольшими изменениями просуществовала вплоть до начала XX столетия. Конечно, и после всех этих реформ Министерство иностранных дел осталось бюрократическим учреждением, как и прочие ведомства царской России, хотя Горчаков стремился упростить министерскую машину.

Горчаков много занимался упорядочением министерского архива. При нем началась систематизация и изучение документов МИД, что имело огромное значение для исторической науки. Вслед за тем были предприняты публикации важнейших дипломатических материалов, причем некоторые из них не

потеряли своего значения и в наши дни (например, начатое в 1874 году профессором Ф. Ф. Мартенсом издание «Собрания трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами»).

Задачи, поставленные перед русской дипломатией после Крымской войны, диктовали и новых союзников. Вскоре после вступления на пост министра иностранных дел Горчаков сказал одному из своих близких сотрудников, что «ищет человека, который помог бы ему уничтожить параграфы Парижского трактата, касающиеся черноморского флота и границы Бессарабии; что он его ищет и найдет»²³. Добиться отмены статей трактата Россия могла только при поддержке сильных союзников. События Крымской войны показали, что их нельзя найти в немецких государствах, на которые ориентировалась дипломатия Нессельроде. Среди русского либерально-дворянского общества получила широкое распространение идея союза с Францией. Выразителем этих настроений стал Горчаков, который был убежденным сторонником русско-французского сближения. Он называл союз России и Франции «естественным».

Горчаков исходил из реальных оснований. Франция стремилась к территориальным захватам в Европе, причем ближайшим объектом экспансии были итальянские владения Австрии. Военственные намерения французского кабинета вызывали враждебное отношение Англии. Раскол среди недавних против-

ников России, наметившийся уже во время Парижского конгресса, стал очевидностью. В этих условиях Франция была заинтересована в русской поддержке. Горчаков рассчитывал использовать эту заинтересованность с целью добиться отмены нейтрализации Черного моря.

Обмен любезностями между недавними противниками начался сразу же после войны. Послом в Париже был назначен один из видных государственных деятелей России граф П. Д. Киселев. Наполеон III направил французским представителем в Петербург своего любимца графа Морни. В русской столице Морни приняли с подчеркнутым вниманием. Вскоре взаимный зондаж о сближении Франции и России был продолжен на самом высоком уровне.

13 сентября 1857 года в Штутгарте состоялось свидание Александра II и Горчакова с Наполеоном III и его министром иностранных дел графом Валевским. Переговоры велись в общей форме, но когда Наполеон намекнул на возможность франко-австрийской войны и спросил, какова будет позиция России, царь ответил, что он «не повторит ошибки 1849 года», то есть не окажет никакой помощи Австрии. Взамен французский император обещал Александру II поддержку в «восточном вопросе». Горчаков и Валевский конкретно договорились, что посланникам обоих государств в Турции будет дано указание действовать совместно.

Правда, уже в этих переговорах наметились опасные разногласия между договаривающимися сторонами. Подготовленный Горчаковым проект русско-французского союза не был подписан императорами. Наполеон III затронул польский вопрос, прозрачно намекнув, что французское правительство поддерживает идею независимости Польши. Это вызвало сильное раздражение царя. «Со мной осмелились заговорить о Польше», — сказал он своим приближенным.

Однако из наметившегося сближения с Францией русской дипломатии вскоре же удалось извлечь непосредственную выгоду. Летом 1858 года в Париже была созвана международная конференция для определения государственного устройства Дунайских княжеств. Россия стояла за их объединение. Царизм рассчитывал получить в новом государстве плацдарм для экспансии на Балканах. Благодаря поддержке Франции русскому представителю на конференции Киселеву удалось преодолеть сопротивление Англии и Австрии и добиться признания «Соединенных княжеств Молдавии и Валахии».

Вскоре после Парижской конференции произошло фактическое слияние обоих княжеств в одно государство — Румынию. Турция, поддержанная Австрией и Англией, начала готовиться к наступлению против молодого государства. Чтобы предупредить интервенцию, Горчаков заявил о намерении правительства России выступить в защиту Румынии. Он

писал Киселеву в начале 1859 года, что никакая интервенция в Румынию недопустима²⁴. В Вене и Константинополе вынуждены были отступить. В 1858—1859 годах французская дипломатия оказала также содействие выступлению России в защиту Черногории и Сербии от посягательств Турции и Австрии.

Наполеон III в свою очередь был заинтересован в поддержке России, особенно в предстоящей войне с Австрией из-за итальянских владений. В начале декабря 1858 года в Петербург прибыл с совершенно секретной миссией личный представитель французского императора Ле Нури для оформления франко-русского союза. Переговоры с ним вел Горчаков. Позже министр иностранных дел представил Александру II доклад, в котором дал тонкий анализ подлинных целей французской политики. Наполеон предлагал России выступить против Австрии, обещая взамен Галицию и неопределенную гарантию содействовать отмене Парижского трактата. Война потребовала бы от России большого напряжения сил. Горчаков писал: «Что нам предлагали взамен таких жертв? Галицию, но ценою войны с неизвестным исходом; что касается тягостных для нас условий трактата 1856 года, нам обещали при заключении мира эвентуальную поддержку, обусловленную обстоятельствами, не поддающимися никакому разумному учету. Совершенно ясно, что такое предложение было для нас неприемлемо».

«Однако,— продолжал Горчаков,— предлагаемый нам союз... мог оказаться рифом, о который разбилось бы наше согласие с Францией. Отказаться от него значило бы снова толкнуть императора Наполеона в объятия Англии»²⁵. Учитывая эти обстоятельства, Горчаков добивается компромиссного решения. Он соглашался сконцентрировать на русско-австрийской границе большую отвлекающую армию, но лишь в том случае, если Франция немедленно поддержит Россию в отмене нейтрализации Черного моря. Наполеон, в расчеты которого вовсе не входило действительное содействие интересам России, сообщил, что он «разочарован» русским контрпроектом.

Однако позиция Горчакова была тверда; он старался избежать вовлечения России в войну ради французских интересов. 3 марта (н. ст.) 1859 года в Париже был подписан секретный франко-русский договор. Россия обещала занять «благожелательный к Франции нейтралитет» в случае ее войны с Австрией. Взамен Наполеон III в очень туманной форме намекал на возможность пересмотра трактата 1856 года. Обязательство Франции не содержало ничего конкретного и осталось на бумаге.

Переговоры о русско-французском союзе показали, что Наполеон III не склонен пойти навстречу России в самых важных для нее вопросах. Горчаков писал об этом Киселеву в следующих деликатных выражениях: «...Неожиданности в действиях императора Наполеона и резкие перемены не позволяют

полагаться с уверенностью на равномерный ход его политики»²⁶. Министр по-прежнему оставался сторонником сближения с Францией, но после 1859 года русско-французские отношения заметно охладились.

Первая попытка добиться дипломатическим путем отмены Парижского трактата не удалась.

Летом 1859 года вспыхнула франко-австрийская война. Армия «лоскутной монархии» после нескольких битв потерпела полное поражение. Австрийцы были изгнаны из Италии. Франция присоединила к себе Савойю и Ниццу. Поражение Австрии ускорило процесс объединения Италии. Летом 1860 года революционные отряды Гарибальди прогнали неаполитанского короля, ставленника австрийцев. Еще раньше восставшим народом были свергнуты правители мелких государств Верхней и Средней Италии.

Отношение царского правительства к делу итальянского объединения было противоречивым. Александр II не мог, разумеется, сочувствовать освободительному движению итальянского народа. Горчаков опасался, что пример гарибальдийцев может оказать революционизирующее влияние на Польшу, где уже начиналось брожение. Однако всякое выступление в тот момент против Италии должно было привести к усилению Австрии. Горчаков был решительным противником этого. Его точка зрения взяла верх, хотя при дворе имелась сильная проавстрийская партия.

В октябре 1860 года по просьбе австрийского правительства в Варшаве состоялось свидание Александра II, Франца-Иосифа и принца-регента прусского. Деятельное участие в переговорах принимал Горчаков. Австрийскому императору дали понять, что Россия не поддержит его агрессии на Апеннинском полуострове. Австрии пришлось примириться с потерей своих позиций в Италии.

С начала шестидесятых годов активизируется захватническая политика России в Средней Азии, где царизму пришлось столкнуться с интересами английской буржуазии. Завоевание Средней Азии диктовалось как интересами дворянско-помещичьих кругов, так и интересами растущей русской буржуазии, требования которой должно было учитывать в своей политике царское правительство.

Горчаков понимал большое значение среднеазиатской политики для России. Помимо чисто экономических выгод утверждение царизма на Аму-Дарье позволило бы оказывать стратегическое давление на английские владения в Индии. В июне 1856 года Горчаков назначил управляющим Азиатским департаментом Министерства иностранных дел Е. П. Ковалевского — энергичного, образованного человека, неоднократно бывавшего в различных государствах Азии. Горчаков и Ковалевский развернули широкую дипломатическую подготовку для наступления царизма в глубь азиатского континента.

В конце 1857 года Александр II утвердил предложение Горчакова направить посольство в Среднюю Азию. Главным аргументом министра иностранных дел было сообщение об английских агентах, которые стремятся «разрушить наши торговые сношения как с Хивой, так и с Бухарой»²⁷. По предложению Горчакова во главе посольства стал молодой дипломат Н. П. Игнатьев.

После нескольких лет всесторонней подготовки царское правительство начало военное наступление в Средней Азии. Ему предшествовала дипломатическая увертюра. 21 ноября 1864 года Горчаков направил всем представителям России за границей пространный циркуляр о политике России в Средней Азии. Доводы Горчакова не были оригинальны и ничем не отличались от доводов колониальных политиков во все времена: в циркуляре говорилось о необходимости обеспечить «безопасность границ» России, защитить торговлю от «грабительств» и т. д.

Уже в 1865 году царскими войсками был взят Ташкент, а через три года правители Коканда и Бухары признали вассальную зависимость от России.

Продвижение царизма в глубь Средней Азии вызвало яростное сопротивление со стороны Великобритании, осуществлявшей в этот период широкую экспансию в Центральной Азии. Англо-русские отношения крайне обострились.

В начале шестидесятых годов русской дипломатии пришлось обратить пристальное внимание на бурные события, происходившие за океаном. В Соединенных Штатах Америки шла гражданская война между Севером и Югом.

У отсталого Юга было мало шансов на победу, но южные штаты, образовавшие Конфедерацию, рассчитывали на помощь со стороны Англии и Франции. И действительно, английская буржуазия поддерживала рабовладельцев, так как их победа над промышленным Севером устранила бы опасного для Англии конкурента на мировых рынках. Французский император Наполеон III, стремившийся к колониальным захватам на Американском континенте, также признал Юг воюющей стороной и намерен был оказывать ему поддержку. В этой обстановке позиция России приобретала огромное значение.

В предшествующие годы во взаимоотношениях Соединенных Штатов и России не было осложнений. Напротив, в период Крымской войны правительство США благожелательно относилось к России. В то время как Англия стремилась к расчленению США, чтобы усилить свои позиции на мировой арене, Россия была заинтересована в сохранении США как важного фактора международного равновесия, и русская дипломатия энергично высту-

пала за сохранение независимости и единства Соединенных Штатов. Англия была общим противником для обеих стран.

В России с большим вниманием следили за развивающимися в Америке событиями и, несмотря на дальность расстояния, довольно хорошо ориентировались в них. Уже в самом начале войны, в апреле 1861 года, поверенный в делах США в Петербурге Д. Эпплтон посетил Горчакова, стремясь заручиться его поддержкой. Русский министр иностранных дел держался осторожно, ибо опасался поспешными шагами втянуть Россию в большой международный конфликт, но в общем занял благожелательную для северян позицию. Он заявил, что русское правительство «не забывает о дружеских отношениях, так долго существовавших между нашими странами». Он сказал также, что пока не собирается ставить вопроса о признании Конфедерации. В заключение Горчаков заверил Эпплтона, что ни одна страна не встретит восстановления единства США «с большим удовлетворением, чем Россия».

В июне в Петербург прибыл новый посланник США К. Клей. Горчаков принял его с отменной любезностью и вел с ним длительные переговоры. После этого Горчаков направил официальную депешу русскому посланнику в Вашингтоне Э. Стекло для передачи федеральному правительству. В ней высказывалось сожаление по поводу начавшейся войны

и вновь выражалась надежда на сохранение единства Соединенных Штатов. Россия проявляет по отношению к США, писал Горчаков, «в высшей степени дружеский интерес, ибо обе эти страны, расположенные по обеим сторонам света, по-видимому, призваны к естественной солидарности интересов и симпатий, неоднократно ими друг другу выраженных»²⁸.

Благоприятное отношение к Союзу северных штатов со стороны России резко отличало ее от остальных великих держав. Это наглядно проявилось в «деле «Трента»».

В ноябре 1861 года северяне задержали английское купеческое судно «Трент» и арестовали двух находившихся на борту корабля южан. Этот эпизод Англия и Франция хотели использовать как предлог для открытой интервенции. В Петербурге к намерениям такого рода отнеслись резко отрицательно. Благоприятная для северян позиция русской дипломатии оказала существенное влияние на то, что инцидент с «Трентом» не принял характер военного столкновения. К. Маркс образно заметил, что эти события неожиданно получили «русский эпилог»²⁹. Англия и Франция не решились на открытое вооруженное вмешательство в Америке. Твердая позиция России имела тем большее значение для США, что в конце 1861 года началась интервенция Испании, Англии и Франции в Мексике и угроза нападения на США была весьма реальной.

В связи с мирным исходом конфликта Горчаков в январе 1862 года направил в Вашингтон специальную ноту, написанную в очень дружественном тоне. Тем самым еще раз было продемонстрировано перед всем миром, что Россия выступает против раскола США. Позднее английский премьер-министр Пальмерстон объяснял в палате общин недостаточную активную поддержку Великобританией южан именно тем обстоятельством, что в этих условиях Соединенные Штаты могли «заключить военный союз с Россией». Это вынужденное признание красноречиво свидетельствует о важной роли, которую сыграла в тот период русская дипломатия.

Дружественное отношение со стороны России вызывало горячую признательность федерального правительства. Новый американский посланник в Петербурге С. Камерон, сменивший Клея, заявил по приезде, что «Россия и США — две единственные великие державы на свете, дружбе которых никогда не может повредить столкновение интересов».

Гражданская война между Севером и Югом долгое время шла с переменным успехом. Нерешительные действия северян привели к тому, что осенью 1862 года их военное положение ухудшилось. Наполеон III решил, что наступил благоприятный момент организовать интервенцию европейских государств в США. В одиночку Франция не могла этого осуществить. 31 октября в Лондон и Петербург были направлены ноты с предложением совместных

действий. Горчаков ответил быстро и решительно. 8 ноября он сообщил в Париж, что Россия поддерживает дружеские отношения с Соединенными Штатами и отказывается от выступления вместе с Англией и Францией. Русское правительство, подчеркивал Горчаков, готово способствовать мирному разрешению конфликта в Америке на основе переговоров между Севером и Югом. Отказ России имел очень большое значение для последующих событий. Английское правительство также не решилось поддержать агрессивные планы Наполеона. Попытка осуществить иностранную интервенцию вновь провалилась.

В 1863 году русская дипломатия взяла еще более определенный курс на поддержку США. В Польше началось восстание. Франция, Англия и Австрия предприняли попытку вмешаться в польские дела. Эти события были использованы и для того, чтобы вызвать раскол между США и Россией. Наполеон III предложил американскому правительству присоединиться к дипломатическому выступлению европейских держав по польскому вопросу. Федеральное правительство ответило решительным отказом.

В июле 1863 года русское правительство принимает смелое решение отправить две военные эскадры — к Атлантическому и Тихоокеанскому побережью США. Цель, которую при этом ставили в Петербурге, заключалась прежде всего в том, чтобы в разгар польского

кризиса потенциально угрожать морским коммуникациям своих возможных противников и укрепить русско-американские связи. Вместе с тем наличие русского военного флота у берегов Америки вызвало огромный дипломатический эффект. Распространялись упорные слухи о тайном союзе между Россией и США. Это еще более упрочило международное положение северян.

Первое время Горчаков довольно сдержанно относился к идее посылки русского флота к берегам Америки (инициатива исходила здесь от морского министерства). Однако вскоре он изменил свое мнение. В сентябре Горчаков уже говорил «об удачности мысли и отличности исполнения отправки эскадр». Несомненно, что так оно и было. Америка торжественно встретила русских моряков. Их приветствовали салютами, в честь их устраивались пышные банкеты.

Поход русских эскадр к берегам Америки был завершающим этапом дружественных действий России по отношению к США в те годы. Гражданская война вскоре закончилась полным поражением Юга. Однако тесный политический контакт между обеими странами по-прежнему сохранялся. В 1866 году в Россию прибыла с ответным визитом эскадра американских кораблей. И в последующие годы между Россией и Соединенными Штатами Америки поддерживались дружественные отношения, не осложнявшиеся никакими конфликтами.

В начале 60-х годов международное положение России значительно обострилось в связи с восстанием в Польше. Царской дипломатии пришлось решать сложные задачи.

Революционное движение в Польше в этот период приняло широкий размах. Демонстрации и столкновения с царскими войсками начались еще в феврале 1861 года. В Петербурге известия о событиях в Польше вызвали большую тревогу.

А. М. Горчаков в польском вопросе придерживался великодержавных настроений и считал необходимым сохранение Польши в составе Российской империи. Вместе с тем он отрицательно относился к политике полного подавления польской национальности, проводившейся при Николае I. Горчаков говорил, что русская администрация в Польше должна действовать в духе примирения противоречий и уважения к коренному населению. Весной 1861 года в одном из частных писем он признал: «Мы не были во всем чисты перед Польшей». Не стоит преувеличивать «полонофильства» Горчакова, в котором его обвиняли противники, но когда в правительстве стал вопрос о дальнейшей политике по отношению к полякам, он решительно высказался за либеральный курс. Военный министр Д. А. Милютин рассказывает об этом: «По совещании с некоторыми из министров положено было, согласно с мнением министра иностранных дел,

не принимать крутых мер, а продолжать действовать в смысле примирительном, т. е. вводить постепенно в административном устройстве Царства Польского такие изменения, которые, не ослабляя политической его связи с империей, дали бы управлению его возможную автономию». Правительство решилось предпринять некоторые реформы, но они были очень скромными и к тому же проводились в жизнь весьма вяло.

Горчаков хотел путем либеральных уступок разрядить обостряющееся положение в Польше, ибо понимал, какие международные осложнения это может вызвать для России. И действительно, послы в Англии и Франции доносили ему о выступлениях общественности этих стран в поддержку поляков и о том, что правительства Англии и Франции не преминут воспользоваться «польским вопросом» в своих интересах.

В январе 1863 года в Польше вспыхнуло открытое восстание. Начались столкновения партизанских отрядов с царскими войсками. Европейские державы немедленно предприняли попытки вмешаться в польский вопрос.

Первым начал Бисмарк. В конце января он послал в Петербург генерала Альвенслебена, который от имени Пруссии предложил Александру II заключить конвенцию о совместных действиях русских и прусских войск против восставших. «Великодушное» предложение Бисмарка преследовало несколько целей: во-первых, быстрее подавить восстание,

которое угрожало перекинуться в польские области Пруссии, а во-вторых, добиться сближения с царским правительством и нанести ущерб франко-русским отношениям.

Горчаков был резко настроен против подобного соглашения. Он писал наместнику Царства Польского великому князю Константину: «Ввиду колебаний Франции и недоброжелательного отношения Англии, оно (соглашение.— С. С.) вызвало бы осложнения, несмотря на простоту самого факта. Сверх того, я сознаю это по инстинкту, оно оскорбило бы национальное чувство у нас и дало бы Европе странное представление о нашей мощи...»³⁰ Однако Александр II принял решение заключить соглашение с Пруссией; сказались влияние прогерманских настроений царя и его приближенных. 27 января Горчакову пришлось подписать соглашение.

Хотя русско-прусская конвенция не получила никакого практического применения, последствия ее не заставили себя ждать. Сведения о конвенции быстро получили огласку, и правительства Англии и Франции не замедлили воспользоваться этим прецедентом для вмешательства в дела польского восстания. Они рассчитывали, что тяжелое внутривнутриполитическое положение России заставит ее капитулировать перед объединенным выступлением западных держав. Наполеон III оказал давление на Австрию с целью привлечь венский кабинет к совместному демаршу по польскому вопросу.

Разумеется, правящим кругам Лондона и Парижа не было никакого дела до польской революции, они заботились лишь о своих узкокорыстных целях. «Буржуазия всегда считала правильным,— говорил Маркс,— подстрекать поляков в начале каждого их нового восстания, предавать их путем своей дипломатии в течение этого движения и покидать их в беде, когда Россия их подавляла»³¹.

Стремясь не дать западным державам повода для вмешательства, Горчаков настаивал на немедленном объявлении амнистии восставшим полякам. Это предложение было принято, и 31 марта царь издал соответствующий манифест. Тогда Англия и Франция перешли к открытому давлению на Россию.

5 апреля 1863 года послы Франции, Англии, а через два дня и Австрии, один за другим вручили Горчакову ноты своих правительств. Наиболее резкой из них была английская. Правительство Великобритании, говорилось в ней, «озабочено» событиями в Польше, которые нарушают спокойствие в Европе, и предлагает России «возвратить мир» польскому народу. Французская нота была написана в более умеренном тоне, однако в ней содержался прозрачный намек на желательность полного отделения Польши от России. Нота Австрии говорила лишь о том, что волнения в Царстве Польском вызывают напряженность в Галиции.

В это же время Англия, Франция и Австрия предложили всем европейским государствам

присоединиться к их выступлению по польскому вопросу. Испания, Португалия, Италия, Швеция, Нидерланды, Дания и Турция также направили в Петербург послания в «защиту» Польши. Не преминул высказаться по этому поводу и римский папа.

В правящих кругах Петербурга демарш западных держав произвел впечатление, близкое к панике. Высшие сановники опасались войны, а им-то было хорошо известно, в каком плачевном состоянии находилась в то время царская армия (например, неожиданно выяснилось, что даже Кронштадт невозможно защитить от нападения англо-французского флота). В этот напряженный момент министр иностранных дел трезво оценил обстановку. «Я сам не вижу приближения войны,— говорил Горчаков в то время,— я даже убежден, что опасения насчет войны, господствующие здесь в некоторых кругах, являются совершенно необоснованными. На нас никто не нападает; если бы на нас пожелал напасть Луи Наполеон, то Англия ни в коей мере не склонна к этому, а без Англии и Австрии он один не может предпринять ничего»³². После совещаний у царя решено было отклонить ноты.

14 апреля Горчаков направил ответ правительствам Англии, Франции и Австрии. Он был составлен очень корректно, в сдержанном тоне, но всякие попытки изменения статута Польши в составе России отвергались полностью.

К этому времени польское восстание уже шло на убыль. Однако западные державы толкали поляков на продолжение борьбы. Английская и французская пресса не переставала угрожать России. Провоцируемые ложными посулами из Лондона и Парижа, правые руководители восстания предъявляли притязания на украинские и белорусские земли, выступали против совместной борьбы русских и польских революционеров и фактически препятствовали осуществлению на деле русско-польского революционного союза. Шляхетская политика вызывала отпор крестьянства на Украине и в Белоруссии. Царское правительство, используя сложившуюся обстановку, решило переменить тактику и перешло к кровавым репрессиям. В Польше начались казни и расправы.

Западные державы вскоре вновь предприняли попытку дипломатического вмешательства в польские дела. В июне 1863 года послы Англии, Франции и Австрии вручили Горчакову новые ноты своих правительств. Три державы выставили теперь вполне определенные требования, причем в довольно категорической форме. России предлагалось созвать международный конгресс для решения вопроса о Польше, а до этого царское правительство должно было предоставить полякам автономию, гражданские свободы и т. д.

В тревожной для царизма обстановке лета 1863 года А. М. Горчаков проявил себя как гонкий политик и дипломат: он показал

выдержку, прекрасное понимание международных проблем. Он сумел заметить противоречия, существующие между тремя державами, выступавшими, казалось бы, единым фронтом. Горчаков знал, что английское правительство не хочет войны. Лицемерная «защита» поляков в Лондоне вызывалась сугубо эгоистическими мотивами: поссорить Францию с Россией. Наполеон III со свойственным ему авантюризмом поддался на эту тонкую провокацию, и теперь его отношения с русским правительством были безнадежно испорчены. Цель, поставленная английской дипломатией, была достигнута. Посол Великобритании в Петербурге лорд Нэпир намекал Горчакову, что англичане не собираются проливать кровь за Польшу.

Учитывая противоречия между европейскими державами, Горчаков некоторое время выжидал. А когда он окончательно убедился, что западные политики не хотят или не решатся начать войну, ответ им был дан самый решительный. 26 июня проект ответных нот Горчакова был одобрен на совещании у царя. Через несколько дней послы России в Лондоне, Париже и Вене передали русские ноты министерствам иностранных дел.

В нотах Горчакова безоговорочно отвергалась идея международного конгресса и все требования западных держав о Польше. Вместе с тем русское правительство не отказывалось обсудить с Австрией и Пруссией «относительное положение их польских владений».

Горчаков и здесь создавал трещину между тремя державами, противопоставляя венский кабинет Англии и Франции.

В столицах западных держав на ноту Горчакова реагировали по-разному. Во Франции близкая к правительству печать называла ответ России оскорбительным и грозила войной. Однако Англия и Австрия не проявляли ни малейшего желания воевать. Франция оказалась в изоляции. Оставалось только сделать последний жест для европейского общественного мнения, ибо слишком явной была провокационная игра западных правительств с трагедией польского восстания. И вот в конце июля 1863 года в Петербург вновь поступают ноты от трех держав. Но это была уже явная отписка. В нотах лишь выражалось «сожаление», что царское правительство не воспользовалось «дружескими советами» западных кабинетов.

В Петербурге не стали медлить с ответом. Все было ясно. 26 августа Горчаков направил Англии, Франции и Австрии ноты, в которых категорически отказывался от продолжения всяких переговоров о Польше, где к тому времени восстание было уже фактически подавлено. Ноты существенно отличались от апрельских своим тоном: теперь Горчаков выражался уверенно и резко. Противник отступал, отчего же не позволить себе закончить тяжелую борьбу эффектным жестом!.. Ответа на эти ноты Горчакова не последовало.

Помещичьи и все реакционные круги восторженно приветствовали успех Горчакова. Авторитет его возрос и в правительственных кругах.

Русская дипломатия и объединение Германии

Враждебная политика Наполеона III по отношению к России в период польского восстания полностью подорвала возможность франко-русского сближения. Отношения между Петербургом и Парижем резко ухудшились.

В сентябре 1865 года Горчаков представил Александру II доклад об изменении дипломатического положения России в Европе после польского восстания. «Несмотря на отсутствие антагонизма в интересах наших и Франции,— писал он,— и несмотря на возможность и выгоду соглашения между двумя странами, это соглашение не имело достаточной цены в глазах императора Наполеона...»³³ Правда, Горчаков учитывал возможность достижения союза с Францией в будущем. «Мы должны тем не менее оставить для этого двери открытыми»,— делал он вывод в докладе, но было ясно, что в ближайшее время рассчитывать на помощь Франции в отмене статей Парижского трактата не приходится. Надо было искать новых союзников.

Ухудшением франко-русских отношений поспешил воспользоваться Бисмарк.

Еще в конце сороковых — начале пятидеся-
тых годов Пруссия стремилась отторгнуть у
Дании две немецкие провинции — Шлезвиг и
Голштинию. Тогда под нажимом великих дер-
жав (и России в том числе) эта попытка окон-
чилась неудачей. Теперь положение для Прус-
сии изменилось. Между Россией, Англией и
Францией существовали серьезные противоре-
чия. Бисмарк правильно рассчитал, что насту-
пил удобный момент для объединения Герма-
нии «железом и кровью» под прусской геге-
монией. В планы Бисмарка входил прежде
всего разгром Дании. Для этого ему удалось
привлечь на свою сторону главного соперника
Пруссии в Германии — Австрию. В начале
1864 года обе державы выступили против
Дании.

Отношение русской дипломатии к политике
Бисмарка было противоречивым. Александр II
и его ближайшее окружение явно склонялись
на сторону Пруссии. Горчаков отчетливо ви-
дел опасность, которую представляли агрес-
сивные устремления прусского правительства:
не в интересах царской России было возник-
новение нового сильного государства у своих
границ. Горчаков внушал Александру II:
«... Цель, которую преследует берлинский ка-
бинет, и характер его современной политики,
ни перед чем не останавливающейся, чтобы
добиться своего, исключают возможность тес-
ного сближения»³⁴. Вместе с тем русский ми-
нистр иностранных дел должен был учиты-
вать враждебную политику Франции и расту-

щие противоречия России и Англии в связи с наступлением царизма в Средней Азии. В этих условиях союзником русской дипломатии в деле ликвидации Парижского трактата прежде всего могла быть Пруссия. И Горчаков вступил на путь сближения с Пруссией.

Министру иностранных дел приходилось считаться также с тем, что военная мощь России в тот период еще не была полностью восстановлена: большая реформа армии только начиналась. Финансовое положение страны по-прежнему оставалось тяжелым. Исходя из этого, Горчаков полагал, что «главное внимание России должно быть упорно направлено на осуществление дела нашего внутреннего развития и вся внешняя политика должна быть подчинена этой основной задаче».

Горчаков резко отрицательно относился к нападению Пруссии на Данию. Он пытался воздействовать на прусское правительство с целью компромиссного разрешения конфликта, но встретил в Берлине сильное сопротивление. Оказать на Бисмарка более серьезное давление Россия была не в состоянии: в этом случае Пруссия могла бы заключить антирусский союз с Францией. В начавшейся войне датские войска вскоре потерпели поражение, у Дании были отняты две провинции. Тогда с опозданием забеспокоились в Лондоне. После 1863 года англо-французские отношения были испорчены, и британский кабинет обратился за поддержкой в Петербург. Горчаков высказался против совместного выступления

с англичанами. «В этот решительный момент,— объяснял он позже свою позицию,— мы отклонили предложения Англии о вмешательстве, потому что они имели целью морские действия, для которых английские силы являлись вполне достаточными, тогда как наше участие неизбежно повлекло бы осложнения на суше, которых мы должны были избегать».

Первое время Шлезвиг и Голштиния находились под общим контролем Австрии и Пруссии. Россию удовлетворял подобный компромисс, сохранявший «равновесие» в Германии. Горчаков писал: «Мы сожалели бы о разрыве между двумя великими германскими дворами»³⁵.

Но «разрыв» между Австрией и Пруссией был неизбежен, Бисмарк сознательно стремился к войне. В России это вызывало беспокойство. Горчаков говорил Александру II: «Из последствий создавшегося положения война является для нас наиболее прискорбным». Царское правительство пыталось склонить Бисмарка к «умеренности», но безрезультатно. Пруссия сумела подчинить себе еще несколько мелких немецких государств. Германский союз оказался ликвидированным. В июне 1866 года началась австро-прусская война. Не прошло и месяца, как Австрия была полностью разгромлена. В Германии восторжествовала гегемония Пруссии. Это вызвало новую дипломатическую переориентировку в Европе.

Царское правительство ничего не имело против ослабления своего постоянного соперника — Австрии. Однако в Петербурге опасались и чрезмерного усиления Пруссии. В этой связи дальнейший курс русской дипломатии зависел от того, чью сторону примет Франция. Наполеон III все более склонялся в пользу Вены. Перспектива создания франко-австрийского блока вызывала тревогу у Горчакова: «Австрия,— говорил он,— надев французскую ливрею, будет вынуждена рабски следовать всем замыслам, которые возникнут на берегах Сены...»³⁶ А именно в это время дипломатия Франции поддерживала Турцию против России, стояла за сохранение нейтрализации Черного моря. Франко-русские трения на Ближнем Востоке не прекращались. Попытка Горчакова вновь договориться с Парижем, предпринятая во второй половине 1866 года, не дала никаких результатов.

В августе 1866 года в Россию для переговоров о военном союзе прибыл прусский генерал Мантейфель. Для Пруссии вопрос о том, какую позицию займет русская дипломатия, имел исключительно важное значение: европейская политическая атмосфера накалялась. Конфликт между бонапартистской Францией и милитаристской Пруссией становился вопросом ближайшего будущего. Бисмарк передал через Мантейфеля о намерении прусского правительства поддержать Россию в ее планах ликвидации Парижского трактата. Это послужило основой переговоров Мантейфеля

с Горчаковым. Верный своей обычной тактике, русский дипломат отказался заключить с Пруссией военный союз, чтобы не вовлечь себя в войну с Францией, однако не собирался возражать против столкновения Пруссии с Наполеоном III. Таким образом, Бисмарк обеспечивал себе тыл в случае войны на Рейне.

Поддерживая Пруссию, русская дипломатия тем самым стремилась осуществить собственные цели, прежде всего ликвидировать последствия Парижского трактата. Из всех великих держав оказать содействие России в этом вопросе могла только Пруссия. Вот почему Горчаков осенью 1866 года писал русскому послу в Берлине: «Чем более я изучаю политическую карту Европы, тем более я убеждаюсь, что серьезное и тесное согласие с Пруссией есть наилучшая комбинация, если не единственная»³⁷.

Авантюристическая политика Наполеона III ставила Францию в положение полной дипломатической изоляции. Французское правительство недооценивало опасности германской угрозы и не искало сближения с Россией. Наоборот, в конце шестидесятых годов французское правительство энергично выступало против России на Ближнем Востоке. Наполеон III оказался лучшим помощником Бисмарка в достижении того, чтобы царское правительство стало на сторону Пруссии в ее столкновении с Францией. Политическая близорукость

бонапартистской клики дорого обошлась французскому народу.

8 (20) июля 1870 года началась франко-прусская война. В этот период Россия определенно поддержала Берлин. Уже через три дня после открытия военных действий в Петербурге было объявлено о нейтралитете. Царское правительство стремилось не допустить поражения Пруссии еще и потому, что оно неизбежно повлекло бы за собой усиление Австро-Венгрии. И действительно, в правящих кругах Вены были сильны реваншистские настроения. Вот почему в заявлении России о нейтралитете содержался один весьма существенный пункт о том, что русское правительство «готово оказать самое искреннее содействие всякому стремлению, имеющему целью ограничить размеры военных действий». Это был ясный намек на то, что Россия не допустит вмешательства Австро-Венгрии в войну.

После разгрома Франции под Седаном и краха режима Второй империи направление русской внешней политики стало меняться. Горчаков начал выступать за прекращение военных действий, пытался вновь призвать правительство Пруссии к «умеренности». Французский посол в России Габриак, а также специально приехавший в Петербург премьер-министр временного правительства Тьер запоздало старались добиться поддержки царского правительства. И царь, и Горчаков принимали их очень любезно, но в тот период ни о какой активной русской поддержке

Франции не могло быть и речи. Наступил момент, когда Россия должна была, наконец, разрешить одну из своих важнейших внешнеполитических задач — ликвидацию позорных статей Парижского трактата 1856 года.

Восстановление суверенных прав России на Черном море

19 октября 1870 года русским дипломатическим представителям в Англии, Франции, Австро-Венгрии, Турции и Италии был разослан ставший впоследствии знаменитым циркуляр Горчакова, в котором объявлялось, что Россия отказывается от соблюдения статей Парижского трактата о нейтрализации Черного моря.

На протяжении всей деятельности на посту руководителя царской внешней политики А. М. Горчаков стремился не втягивать Россию в острые европейские конфликты, избегать таких действий, которые могли бы привести к серьезному военному столкновению. При этом Горчаков разумно исходил из трезвой оценки внутреннего положения страны. Сложные экономические и политические процессы, происходившие в 60-х годах в России, не позволяли царскому правительству проявлять большую активность на мировой арене. Горчаков еще в 1856 году понял (и открыто заявил об этом в своем первом циркуляре), что Россия в течение длительного времени

должна будет сосредоточить свои силы на решении внутренних проблем.

Министр иностранных дел последовательно проводил эту политику. В декабре 1867 года Горчаков представил Александру II обширный доклад об итогах деятельности Министерства иностранных дел под его руководством. Своей заслугой он считал тот факт, что на протяжении одиннадцати лет, когда вся Европа переживала «неспокойное время», Россия избежала опасных международных осложнений и не была втянута в военные конфликты³⁸.

Тем не менее царизм нуждался во внешнеполитических успехах, но в тот период старался добиваться их по возможности дипломатическими средствами. Поэтому при благоприятной обстановке Горчаков не боялся идти на решительные действия, если был твердо уверен, что они не приведут к войне. Но и в этих условиях он стремился достичь успеха путем тонких дипломатических маневров, используя противоречия среди враждебных группировок.

Политическая гибкость русского дипломата особенно ярко проявилась при отмене статей Парижского трактата.

Момент для этого выступления был выбран Горчаковым исключительно удачно. Франция, главный «хранитель» условий трактата, потерпела военный разгром. Пруссия должна была стать на сторону России (Бисмарк, заинтересованный в поддержке царского правитель-

ства, подтвердил это еще в сентябре). В такой обстановке Австрия вряд ли отважилась бы пойти на столкновение с Россией. Оставалась Англия, но она не могла воевать в одиночестве.

Тем не менее в русских правительственных кругах были сильные колебания. Многие высшие сановники опасались последствий этого решительного шага. Горчаков, исходя из глубокого понимания международных проблем, с уверенностью утверждал, что России не грозит никакая опасность. По словам его близкого помощника барона Жомини, он «предвидел возможность только войны на бумаге, газетной перебранки и прений в парламентах»³⁹. Вопрос обсуждался на совещании у царя. Министры Панин, Тимашев и некоторые другие возражали против плана Горчакова. Однако настойчивость и воля старого дипломата восторжествовали.

В своих решительных действиях Горчаков опирался на широкую поддержку русского дворянско-буржуазного общественного мнения, которое горячо выступало за пересмотр решений Парижского трактата, давно уже не соответствовавших реальному соотношению сил.

В циркуляре 19 октября говорилось, что в течение пятнадцати лет своего действия Парижский трактат неоднократно нарушался другими державами. Он ставит Россию в несправедливое и опасное положение. Русские берега Черного моря никак не защищены, в

то время как Турция, Англия и Франция содержат военные эскадры в Средиземном море. Ввиду того что многие положения Парижского трактата фактически уже не соблюдаются, Россия «не может более считать себя связанной» оставшимися в действии обязательствами, которые ограничивают ее суверенные права и безопасность на Черном море. В то же время Россия не отказывалась от соблюдения всех остальных пунктов трактата, в частности о границе в Бессарабии ⁴⁰.

Циркуляр Горчакова произвел во всех европейских столицах впечатление разорвавшейся бомбы. Почти все правительства встретили это известие враждебно. Особенно нервно реагировали в Англии. Кабинет министров собрался на второй же день после получения ноты и долго обсуждал ее. Британский министр иностранных дел лорд Гренвиль сообщил русскому послу Бруннову, что его коллеги «с ужасом» прочитали содержание ноты. Вслед за тем последовал официальный ответ английского правительства. Британский кабинет резко возражал против одностороннего пересмотра трактата, приводя многочисленные юридические доказательства. Англия предлагала созвать по этому вопросу конференцию держав, подписавших Парижский трактат. По поводу английской ноты Горчаков заметил, что она похожа на «диссертацию по международному праву». В Лондон он сообщил, что Россия не возражает против того, чтобы принять участие в конференции.

Столь же неодобрительно был встречен циркуляр Горчакова в Австро-Венгрии. Канцлер Бейст заявил русскому послу, что будет протестовать. В ответе венского кабинета говорилось, что Парижский трактат может быть отменен только с согласия всех держав, его подписавших. Высказывалось и «удивление» по поводу такого «необычного способа» отмены международных договоров. Возражало против циркуляра Горчакова и правительство Италии, заявившее, что не считает Россию вправе освободиться односторонним заявлением от принятых ею по договору обязательств. Что же касается временного французского правительства, которое в тот момент перебралось из осажденного Парижа в Тур, то оно, конечно, не могло всерьез выступить против России. Понимая это, Горчаков наемнул русскому послу во Франции, что он направил ноту в Тур «из одной вежливости, а не из политической необходимости».

Бисмарк был «раздражен» выступлением России, ибо оно, по его словам, нарушало нормы международного права. Однако ему пришлось все же выполнить свое обязательство. Он заявил, что поддерживает решение русского правительства отменить «самые неудачные статьи Парижского трактата». Россия получила поддержку и из-за океана. Государственный секретарь США Гамильтон Фиш заявил русскому посланнику в Вашингтоне, что федеральное правительство никогда не признавало постановлений Парижского

договора. Фиш высказался также за возможность посылки дружественной американской эскадры к берегам Черного моря.

Горчаков несколько не смутился тем, что решение русского правительства встретило враждебную реакцию европейских держав. Он тотчас же послал ответные ноты правительству каждой страны. В них прежде всего категорически подтверждалось, что Россия ни при каких условиях не откажется от своего решения.

В то же время Горчаков старался найти убедительные аргументы для каждой державы. Так, например, французскому правительству он напоминал об ошибках Наполеона III, которые привели страну к изоляции, английский кабинет Горчаков заверил, что Россия не имеет никаких претензий к Турции, а в ноте, направленной в Константинополь, подчеркивалось важное значение отмены унижительных ограничений на Черном море для обеих стран.

Уверенность Горчакова, что европейские державы ограничат свои действия против выступления России одной лишь бумажной войной, полностью оправдалась. Русская дипломатия не отступала ни на шаг, решительно отвергая всяческие попытки давления. Горчаков без колебаний согласился на созыв международной конференции для пересмотра решения о нейтрализации Черного моря. При этом он предупредил английское правительство, представитель которого Гренвиль должен

был председательствовать на переговорах, что Россия не может допустить даже постановки вопроса об отказе от своих справедливых требований.

Конференция, в которой участвовали Англия, Россия, Турция, Германия, Австро-Венгрия, Италия и Франция, открылась в Лондоне 5(17) января 1871 года. Представителем русского правительства на ней был посол в Англии Бруннов, получивший подробные инструкции от Горчакова. Дипломатам великих держав ничего не оставалось делать, как узаконить объявленное Россией решение.

1(13) марта 1871 года была подписана конвенция, названная Лондонской, которая подвела итоги переговоров. Первая статья этой конвенции отменяла все ограничения суверенитета России на Черном море, наложенные Парижским трактатом. Это означало восстановление черноморского военного флота и боевых укреплений Севастополя. Конвенция определяла и режим черноморских проливов, которые объявлялись закрытыми для всех военных судов в мирное время. Некоторые несущественные оговорки Лондонской конвенции, направленные против России, носили лишь декларативный характер.

Отмена пресловутой «нейтрализации» Черного моря была крупнейшим успехом русской дипломатии. Общественное мнение России справедливо связывало это достижение с именем Горчакова. Семидесятилетний дипломат переживал подлинный триумф.

В архиве Горчакова сохранилось около сотни телеграмм и писем, в которых его поздравляли с дипломатической победой. Поэт и дипломат Ф. И. Тютчев посвятил Горчакову восторженное стихотворение:

Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.

И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.

Дипломатический поединок с «железным канцлером»

После франко-прусской войны в Европе сложилась новая политическая ситуация. Германия и Италия стали едиными государствами. Многие мелкие «буферные» страны исчезли с европейской карты. Противоречия между великими державами континента обострились. Усилилась колониальная экспансия. «Последняя треть XIX века,— указывал В. И. Ленин,— была переходом к новой империалистской эпохе».

Создание мощной Германской империи у западных границ России вызывало серьезные опасения царизма. Агрессивность этого «беспокойного соседа», как выражалась русская

печать, была очевидна. В этих условиях давнишние идеи Горчакова о создании союза между Россией и Францией приобрели новый смысл. Правительство Бисмарка после 1870 года всячески стремилось «законсервировать» ослабление Франции. Но в Петербурге теперь иначе смотрели на взаимоотношения с Парижем. Подводя политические итоги за 1872 год, Горчаков, имея в виду Францию, делал следующий вывод: «Для нас важно, чтобы она в целях равновесия вновь заняла свое законное место в Европе».

Одним из важнейших направлений дипломатии Горчакова в Европе в тот период стало противодействие германским агрессивным устремлениям по отношению к Франции. Однако Третья республика была еще слишком слаба для того, чтобы стать серьезным союзником, и Горчаков это хорошо понимал. Заключив соглашение с Францией, Россия могла выиграть очень немного и вместе с тем получить опасного врага — Германию. В то же время захваты царизма в Средней Азии встречали сильное сопротивление со стороны Англии. Английские советники натравливали афганского эмира против России. Из Афганистана были изгнаны русские купцы. Афганские войска, вооруженные английским оружием, вторгались в Туркмению. В семидесятых годах англо-русские противоречия резко обострились.

Сложная международная обстановка вынуждала царское правительство сохранять хо-

рошие отношения с Берлином. Это диктовалось и чисто экономическими причинами: на Германию приходилось около трети всего русского экспорта хлеба. Наконец, прогерманская партия пользовалась довольно сильным влиянием при царском дворе. Все это не могло не сказаться на политике русского министерства иностранных дел.

В августе 1872 года в Берлине состоялось обставленное с великой торжественностью свидание трех императоров: германского, российского и австрийского. Тогда же происходили переговоры министров иностранных дел трех держав. Горчаков и австро-венгерский министр Андраши договорились сохранять *статус кво* на Балканах. Бисмарк в своих интересах всячески поддерживал намерение Горчакова достичь соглашения с Австро-Венгрией. Так была заложена основа очень зыбкого и противоречивого объединения, известного как Союз трех императоров.

Следует подчеркнуть, что Горчаков крайне сдержанно относился к русско-германскому и русско-австрийскому сближению, хотя оно имело немало сторонников среди царского окружения и встречало сочувствие Александра II. Опытный дипломат отчетливо видел растущую угрозу со стороны Германской империи. Он понимал, что могут означать для России слова Бисмарка о «традиционных дружеских отношениях»: «железный канцлер» пытался повести петербургский кабинет в фарватере своей политики.

Горчаков стремился использовать союз с Германией и Австро-Венгрией для противодействия наступлению Англии в Средней Азии и на Ближнем Востоке; сближение России с этими странами лишало Англию континентальных союзников, в случае если англо-русские трения перерастут в вооруженный конфликт. Бисмарк, поддерживая союз, рассчитывал тем самым добиться невмешательства России в подготовляемой им новой франко-германской войне. Таким образом, цели обеих держав, вступивших в союз, были весьма различны. Между Горчаковым и Бисмарком началась сложная дипломатическая борьба.

Она проявилась уже в берлинских переговорах. «Железный канцлер» предпринял попытку использовать в своих целях встречу трех императоров, изобразив свидание в Берлине как заговор против Франции. Однако Горчаков помешал планам Бисмарка. Тогда же он встретился с французским послом в Берлине Гонто-Бироном и ясно дал ему понять, что Россия не поддержит агрессивных намерений Германии. Касаясь реформы французской армии, которая приводила Бисмарка в неистовый гнев, Горчаков сказал: «Вы делаете то, что вы считаете нужным, и вы правы. Я вам говорил и повторяю: *нам нужна сильная Франция*». Планы Бисмарка были сорваны. Международная пресса справедливо расценивала итоги переговоров в Берлине как несомненную дипломатическую неудачу германского канцлера, которому не удалось добиться изоляции Франции,

Бисмарк после этого с раздражением заметил английскому послу, что Горчаков «действует ему на нервы своим белым галстуком и претензией на остроумие».

Русская дипломатия поспешила воспользоваться сближением с Берлином и Веной. 24 апреля 1873 года в Петербурге была подписана русско-германская военная конвенция о взаимной помощи. Вслед за тем царь заключил с императором Австро-Венгрии договор о «совместной линии поведения». Этот договор имел, однако, самый общий характер. Русско-австрийские противоречия на Балканах могли проявиться в любой момент. Горчаков считал, что Союз трех императоров, покоившийся на непрочной основе, к концу семидесятых годов утратил свое значение.

Угроза, нависшая над Францией с востока, по-прежнему не уменьшалась. Германское правительство беззастенчиво провоцировало войну. Зимой 1873—1874 годов в немецких газетах началась инспирированная Бисмарком кампания против Франции. В Петербурге она была встречена крайне неодобрительно. Многочисленные попытки германского канцлера заигрывать с русской дипломатией оставались безрезультатными. Горчаков писал Александру II, что Бисмарк «старается привлечь нас к своим враждебным Франции действиям. Мы используем его добрую волю, не позволяя завлечь себя далее наших целей».

Бисмарк начал готовиться к следующей атаке. С этой целью он отправил в Петербург сво-

его доверенного дипломата Радовица. Посланец Бисмарка вновь начал интриговать против Франции, но не добился никаких результатов. Горчаков слушал речи Радовица «очень рассеянно» и не выказал никакого намерения обсуждать с ним французские проблемы. Тем самым русский дипломат ясно давал понять, что Россия не поддерживает агрессивных планов Бисмарка. Этого предупреждения, однако, оказалось недостаточно, чтобы удержать германских милитаристов от новой провокации.

Весной 1875 года Бисмарк начал открыто готовить нападение на Францию. Русский посол в Берлине Убри засыпал Горчакова депешами об угрожающих намерениях Германии. Европа была охвачена «военной тревогой». Исход ее во многом зависел от позиции России. В такой напряженной обстановке Горчаков снова проявил решительность и твердость, осуществив одно из самых эффектных своих дипломатических выступлений на посту министра иностранных дел. 11 апреля, несмотря на сильное недомогание, Горчаков лично явился к французскому послу Лефло и заявил ему: «Будьте еще раз уверены, что все усилия России будут направлены к тому, чтобы сдержать нетерпение Берлина...»⁴¹

В первых числах мая франко-германские отношения обострились до предела. Правительство Франции официально обратилось в Петербург с просьбой о поддержке. То же сделал и бельгийский король. Позиция русского

правительства в этом вопросе была уже определена: благодаря энергичным усилиям Горчакова царь изменил своим прогерманским чувствам и был решительно настроен в пользу Франции. 10 мая Александр II и Горчаков остановились в Берлине (они направлялись на курорт в Эмс). Здесь и разыгрался финал столь неудачного для Бисмарка спектакля.

Почувствовав, что сопротивление России серьезно, германский канцлер стал отступать. В конфиденциальной записке Александру II Горчаков язвительно описывал, что Бисмарк клялся ему, что никогда не помышлял о нападении на Францию. Бисмарк во всем обвинял газеты, «на которые он не имеет влияния», фельдмаршала Мольтке и даже парижских биржевиков, нарочно сеющих панику. По существу в этих сбивчивых объяснениях германский канцлер признал свое поражение. Горчаков с полным основанием мог сделать вывод, что демарш, предпринятый русской дипломатией, вполне достиг цели ⁴². «Военная тревога» в Европе окончилась. Несомненно, что именно вмешательство русской дипломатии спасло Францию от нового нападения прусских агрессоров.

После переговоров в Берлине Горчаков разослал всем русским дипломатическим представительствам короткую шифрованную телеграмму, которая заканчивалась фразой: «Сохранение мира обеспечено». Вскоре эта телеграмма появилась в иностранной печати, причем в несколько неточной редакции: «Теперь

мир обеспечен». В этом выражении еще более подчеркивалась решающая роль России в предотвращении новой войны. Лучше всех понял обидный для него смысл телеграммы сам «железный канцлер». До конца жизни он не мог простить Горчакову это поражение и горько сетовал на него в своих мемуарах ⁴³.

Напряженный поединок между Горчаковым и Бисмарком закончился в пользу русского дипломата.

Восточный кризис

Конец семидесятых годов отмечен резким обострением противоречий великих держав на Ближнем Востоке. Царское правительство вновь усилило экспансию на Балканах. Обстановка благоприятствовала этому: Османская империя переживала глубокий кризис. Летом 1875 года вспыхнуло восстание против турок в Боснии и Герцеговине. Русская демократическая общественность с глубоким сочувствием встретила выступление славянских народов. Царское правительство в своих интересах также поощряло это движение. Правящие круги Австро-Венгрии, опасаясь, что освободительная борьба славян может переброситься в угнетенные области «лоскутной монархии», выступали врагом независимости славянских народов.

Горчаков полагал, что Россия не может уклониться от поддержки восставших славянских народов. В противном случае русское влияние на Балканах, и без того уменьшившееся после Крымской войны, упало бы окончательно. Горчаков и здесь стремился избег-

нуть обострений, могущих втянуть Россию в опасную и невыгодную для нее войну. Он попытался разрешить балканский вопрос, не вступая в конфликт с Австро-Венгрией. Известную роль играло и намерение царизма лишить освободительное движение славянских народов революционного духа, направить его в консервативное русло.

В августе 1875 года Горчаков отправился на переговоры в Вену. Сюда он привез свой план предоставления автономии славянским областям Турецкой империи — Боснии и Герцеговине. Однако правительство Австро-Венгрии встретило этот план более чем холодно, и Горчакову не удалось добиться успеха.

Тем временем кризис в Турции углублялся: в апреле 1876 года началось народное восстание в Болгарии против султанской власти. Оно было подавлено с величайшей жестокостью. В мае 1876 года Горчаков прибыл в Берлин на переговоры с Бисмарком и Андраши. Там он предложил новый подробно разработанный план предоставления автономии славянским народам, находившимся под турецким игом. Андраши стремился не допустить осуществления горчаковского плана. В принятом 13 мая (н. ст.) так называемом Берлинском меморандуме по существу были исключены все основные положения русского проекта.

Русская дипломатия предприняла еще одну попытку договориться с австрийским правительством. В июне 1876 года Александр II и

Горчаков вели переговоры с Францем-Иосифом и Андраши в Рейхштадте (Чехия). Была достигнута принципиальная договоренность о будущем балканских областей Турции, причем за Австро-Венгрией признавалось право на оккупацию части Боснии и Герцеговины. Тем самым царизм пошел на уступки за счет интересов южных славян. Соглашение имело непрочный характер, отнюдь не сгладив русско-австрийских противоречий на Балканах.

В то же время Сербия и Черногория начали войну против Турции за освобождение своих земель. Однако векоре турецкая армия одержала победу. Славянским государствам угрожало новое иго, и они обратились за помощью к России.

Вопрос о войне с Турцией стал в повестку дня. Горчаков понимал, что международное положение для России в тот период складывалось неблагоприятно. Английское правительство оказывало туркам всяческую поддержку. Резко враждебной, несмотря ни на какие соглашения, оставалась и позиция Австро-Венгрии. Бисмарк настойчиво провоцировал англо-русское столкновение. Начав войну с Турцией, Россия могла оказаться втянутой в конфликт с великими державами, будучи к этому совершенно неподготовленной. Однако в то же время невозможно было не воспользоваться ситуацией: отказать в помощи балканским народам, которые видели в России своего традиционного защитника,— значило подорвать позиции России.

Русский канцлер колебался. Он всячески стремился избежать большой войны. Горчаков считал, что Россия еще не в состоянии осуществлять серьезное наступление на Балканах, но последовательно отстаивать эту точку зрения он не смог. Он готов был согласиться на «небольшую» войну. В конце концов Горчаков так и не преодолел своих колебаний в этом вопросе.

В декабре 1876 года в Константинополе открылась международная конференция для мирного разрешения «восточного вопроса» (Россию на ней представлял посол в Турции Н. П. Игнатьев). Заседания конференции окончились безрезультатно: турки, поддерживаемые Англией, не шли ни на какие уступки в пользу балканских народов.

Неудачи русской дипломатии во многом определялись тем, что международная обстановка резко изменилась. Горчаков уже не имел возможности придерживаться своей излюбленной линии — не заключать соглашений, которые налагали бы на Россию далеко идущие обязательства. Восточный кризис создал такую обстановку, при которой царизм вынужден был подписывать неприятные для него соглашения (Рейхштадтское) и даже вступить в войну в целях поддержания своего престижа.

Все попытки дипломатическим путем утвердить влияние России на Балканах не принесли успеха. Царское правительство решилось прибегнуть к силе. В апреле 1877 года началась русско-турецкая война.

В период войны внешнеполитическое положение России значительно усложнилось. Западные державы были встревожены успехами русского оружия на Балканах. Англия и Австро-Венгрия готовились к совместному выступлению против России. Английская эскадра вошла в Мраморное море: это была открытая военная демонстрация.

В конце 1877 года русская армия по труднопроходимым горным перевалам перешла Балканы, а в начале 1878 года началось общее наступление русских войск по всему фронту. Турция вынуждена была просить мира.

В феврале в Сан-Стефано, предместье турецкой столицы, русский дипломат Н. П. Игнатьев подписал мирный договор с Турцией. Россия получала южную часть Бессарабии и Турецкую Армению. Кроме того, Османская империя обязалась выплачивать России крупную контрибуцию. Создавалось независимое Болгарское государство. Значительные территориальные приращения получали Сербия и Черногория.

Австрия и Англия потребовали созыва международной конференции для пересмотра Сан-Стефанского договора. Рассчитывая на их помощь, Турция стягивала новые войска к Константинополю. Угроза со стороны Австрии и Англии нарастала. Положение русской армии, охваченной эпидемией холеры, было чрезвычайно тяжелым. Горчаков, Милютин и другие высшие сановники считали, что Россия не в силах продолжать войну. В такой ситуации.

царскому правительству ничего не оставалось, как согласиться на созыв международного конгресса. Было очевидно, и в Петербурге понимали это, что России придется отступить. От русских дипломатов зависело теперь, как велико будет отступление. Андраши предложил созвать конгресс в Вене. Горчаков, учитывая враждебную позицию Австро-Венгрии, категорически отказался, и местом конгресса был избран Берлин.

А. М. Горчаков на Берлинском конгрессе

Горчаков в это время только что перенес тяжелую болезнь, здоровье его серьезно пошатнулось. Тем не менее он возглавил русскую делегацию в Берлине. 1(13) июня 1878 года открылся Берлинский конгресс с участием России, Германии, Англии, Франции, Австро-Венгрии, Турции и Италии. Председательствовал Бисмарк. Он не оказал никакой поддержки России, демонстративно подчеркивая свою «беспристрастность». Русская дипломатия на конгрессе находилась в трудном положении.

Фактически Горчаков был лишь номинальным главой делегации. Плохое состояние здоровья не позволяло ему даже присутствовать на всех заседаниях. Восьмидесятилетний русский канцлер уже не обладал былой энергией и твердостью. Основную роль в русской делегации на конгрессе играл П. А. Шувалов —

посол России в Англии. Отношения между Горчаковым и Шуваловым были очень натянутые, что также не могло способствовать успеху русской дипломатии. Противодействие западных держав привело к тому, что Россия лишилась многих завоеваний, достигнутых в результате кровопролитной войны. Неудачам русской дипломатии способствовали и серьезные промахи Горчакова, допущенные им в ходе переговоров. В значительной мере вследствие его ошибок России пришлось пойти на более существенные уступки по сравнению с Сан-Стефанским договором. Так, в беседе с премьер-министром Англии Дизраэли Горчаков по оплошности показал ему секретную карту, на которой были обозначены максимальные для России размеры пограничных уступок в пользу Турции. Англичане, разумеется, ловко воспользовались этой неожиданной «любезностью»⁴⁴.

По решению Берлинского конгресса территориальные приращения Черногории и Сербии были доведены до минимальных пределов. Размеры Болгарского государства также значительно уменьшились. Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину. Горчаков с горечью доложил Александру II, что Берлинский конгресс есть «самая черная страница» в его служебной карьере. Старого дипломата едва ли могло утешить, что царь написал против этих слов его доклада: «И в моей также».

После Берлинского конгресса А. М. Горчаков, формально еще сохраняя свой пост,

фактически отходит от дел. Уже в 1879 году управление МИД было поручено Н. К. Гирсу. В 1881 году был торжественно отмечен двадцатипятилетний юбилей пребывания Горчакова на посту министра иностранных дел, после чего ему пришлось уйти в отставку. Произошло это в марте 1882 года.

Остаток своей жизни Горчаков провел в Ницце. Вел он очень скромный образ жизни, много читал, до последних дней сохранив ясность ума и присущую ему бодрость духа.

Именно Горчаков оказался тем из лицейстов пушкинского времени, обращаясь к которому поэт писал:

Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к закату своему...
Кому ж из нас под старость день лица
Торжествовать придется одному?

А. М. Горчаков скончался 27 февраля 1883 года, не дожив трех месяцев до восьмидесяти пяти лет.

Александр Михайлович Горчаков был выдающимся дворянским государственным деятелем России XIX века.

Имя А. М. Горчакова было одним из самых известных среди дипломатов XIX века. Без него не принималось ни одно важное решение русского правительства по внешнеполитическим вопросам. Горчаков лично составлял правительственные ноты и заявления, вел ответственные дипломатические переговоры, давал инструкции русским представительствам за границей.

Горчаков встал во главе Министерства иностранных дел России в тяжелый момент. Международное влияние царизма после Крымской войны резко упало. Перед российской дипломатией ставилась исключительно сложная задача: не вступая в серьезные конфликты, добиться отмены статей Парижского трактата, вывести Россию из состояния дипломатической изоляции, в которой страна очутилась после Крымской войны, восстановить престиж России как великой державы.

Для осуществления этих целей вряд ли можно было найти лучшего руководителя внешней политики России, чем Горчаков. Как никто другой, он умел вести сложные дипломатические маневры, находить союзников, избегая далеко идущих союзов, оказывать давление на противников, не прибегая к войне, находить и использовать противоречия в лагере враждебной коалиции. Горчаков проводил такую политику вполне сознательно, ясно представляя цель, а также средства, имевшиеся в его распоряжении.

Не всегда имея возможность добиваться успеха путем прямого нажима, Горчаков лавировал, строил сложные дипломатические комбинации. Он искал и находил союзников в Париже — против Австрии, в Берлине — против Наполеона III, в Вене — против Германии, в Соединенных Штатах Америки — против Англии. Чтобы плести эту тонкую, постоянно готовую оборваться дипломатическую паутину, требовался немалый талант. Горчаков обладал им в полной мере.

А. М. Горчакова как политического деятеля отличал острый ум, широкая эрудиция, неиссякаемая энергия и трудолюбие. Он умел сочетать твердость в осуществлении намеченного плана и гибкость опытного дипломата. Горчаков не боялся обострений, его не сбивали с толку неожиданности, возникавшие на политическом горизонте. Эти качества он проявил в своих наиболее выдающихся дипломатических миссиях, как, например, на пере-

говорах в Вене в 1854—1855 годах, при отмене «нейтрализации» Черного моря, в период «военной тревоги» 1875 года.

Классовый характер деятельности Горчакова совершенно очевиден: глава Министерства иностранных дел ревностно отстаивал интересы дворянско-буржуазной России на мировой арене. Именно это в конечном счете определяло действия русского дипломата, его успехи и неудачи. Вместе с тем личные взгляды и убеждения Горчакова, особенности его дипломатического таланта, образование, опыт и, наконец, качества его характера — все это, несомненно, находило отражение в конкретных событиях сложной дипломатической борьбы держав на мировой арене.

Жизнь и деятельность А. М. Горчакова неразрывно связаны с историей внешней политики России XIX века.

¹ Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 828 (А. М. Горчаков), оп. 1, д. 24, л. 1.

² См. *П. Е. Щеголев*, Из жизни и творчества Пушкина, М.—Л., 1931, стр. 10.

³ Письма А. М. Горчакова к родным. «Красный архив», 1936, № 6, стр. 179.

⁴ Там же, стр. 186.

⁵ См. *П. В. Долгоруков*, Петербургские очерки, М., 1934, стр. 151.

⁶ *М—ский*, Князь А. М. Горчаков в его рассказах из прошлого. «Русская старина», 1883, октябрь, стр. 161.

⁷ См. *П. В. Долгоруков*, Петербургские очерки, стр. 150.

⁸ *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 9, стр. 4.

⁹ ЦГИАМ, ф. 828, оп. 1, д. 34, л. 21.

¹⁰ *М—ский*, Князь А. М. Горчаков в его рассказах из прошлого. «Русская старина», 1883, октябрь, стр. 168.

¹¹ ЦГИАМ, ф. 828, оп. 1, д. 34, л. 22.

¹² *П. В. Долгоруков*, Петербургские очерки, стр. 152.

¹³ *И. Базаров*, Светлейший князь А. М. Горчаков. «Русский архив», 1896, т. 1, стр. 347.

¹⁴ ЦГИАМ, ф. 828, оп. 1, д. 1338, л. 2.

¹⁵ См. «Революция 1848—1849», т. I, АН СССР, М., 1952, стр. 248—249.

- ¹⁶ Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову. «Красный» архив», 1933, № 6, стр. 3—25.
- ¹⁷ См. *Е. В. Тарле*, Крымская война, т. II, М.—Л., 1950, стр. 302.
- ¹⁸ *С. К. Бушуев*, А. М. Горчаков. Из истории русской дипломатии, т. I, М., 1944, стр. 131.
- ¹⁹ Там же, стр. 51.
- ²⁰ «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917», М., 1952, стр. 26—27.
- ²¹ *А. Ф. Тютчева*, При дворе двух императоров. Дневник 1855—1882, 1929, стр. 112.
- ²² «Очерк истории министерства иностранных дел. 1802—1902», СПб., 1902, стр. 134.
- ²³ *А. П. Заблоцкий-Десятовский*, Граф П. Д. Киселев и его время, т. III, СПб., 1882, стр. 39.
- ²⁴ См. *В. Н. Виноградов*, Россия и объединение Румынских княжеств, М., 1961, стр. 208.
- ²⁵ «К истории франко-русского соглашения 1859 г.». «Красный архив», 1938, т. 3, стр. 190.
- ²⁶ Там же, стр. 247.
- ²⁷ *Н. А. Халфин*, Политика России в Средней Азии (1857—1868), М., 1960, стр. 85.
- ²⁸ См. *М. М. Малкин*, Гражданская война в США и царская Россия, М., 1939, стр. 65.
- ²⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 15, стр. 464.
- ³⁰ См. *В. Г. Ревуненков*, Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия, Л., 1957, стр. 130.
- ³¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XXIII, стр. 259.
- ³² *В. Г. Ревуненков*, Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия, стр. 232.
- ³³ «Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе». «Красный архив», 1939, т. 2, стр. 107.
- ³⁴ Там же, стр. 109.
- ³⁵ Там же, стр. 108—109.

³⁶ См. *Л. И. Нарочницкая*, Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху», М., 1960, стр. 120.

³⁷ Там же, стр. 154.

³⁸ ЦГИАМ, ф. 828, оп. 1, д. 1362, л. 1—18.

³⁹ См. *С. Горяинов*, Босфор и Дарданеллы, СПб., 1907, стр. 143.

⁴⁰ «Сборник договоров России с другими государствами», стр. 106.

⁴¹ См. *Ю. В. Борисов*, Русско-французские отношения после франкфуртского мира. 1871—1875, М., 1951, стр. 223.

⁴² «Франко-германский кризис 1875 г.», «Красный архив», 1938, № 6, стр. 141.

⁴³ *О. Бисмарк*, Мысли и воспоминания, т. II, М., 1940, стр. 160—161.

⁴⁴ «П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г.», «Красный архив», 1933, т. 4, стр. 106—107.

I. «В садах лицея»	7
II. В столицах европейских государств	14
Первые шаги на дипломатическом поприще	—
Назначение в Вену	22
В германских государствах	29
Крымская война. Горчаков выходит на авансцену мировой дипломатии	38
III. А. М. Горчаков — министр иностранных дел	49
Важнейшие задачи русской дипломатии . . .	—
Россия и гражданская война в Северной Америке	65
Польский кризис 1863 года	71
Русская дипломатия и объединение Германии .	79
Восстановление суверенных прав России на Черном море	86
Дипломатический поединок с «железным канцлером»	93
IV. Последние годы	101
Восточный кризис	—
А. М. Горчаков на Берлинском конгрессе	106
Заключение	109
Источники и литература	. 112

Семанов Сергей Николаевич

А. М. ГОРЧАКОВ — РУССКИЙ ДИПЛОМАТ XIX в.
М., Соцэкгиз, 1962.

115 с. (На обл.: Выдающиеся дипломаты) На обл.
авт. не указан.

9 (С) 1

Редактор *Е. Ровинская*

Оформление художника *В. Еремина*
Художественный редактор *В. Кузяков*
Технический редактор *Р. Москвина*

Сдано в набор 26 апреля 1962 г. Подписано в
печать 21 июля 1962 г. Формат бумаги 70×90^{1/32}.
Бумажных листов 1,8. Печатных листов 4,24.
Учетно-издат. листов 3,74. Тираж 25 000 экз.
А07711. Цена 9 коп. Заказ № 2951.

Издательство социально-экономической
литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28

9 коп.

СОЦЭКГИЗ . 1962